

Ю. РАКОВ

По следам литературных героев

МИР ЗНАНИЙ

ЮРИЙ РАКОВ

По следам литературных героев

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1974

8
Р19

Раков Юрий
Р19 По следам литературных героев. М., «Просвещение», 1974.

127 с. с ил. (Мир знаний)

Книга предназначена для учащихся старших классов, но может быть полезной и учителю-словеснику, особенно при проведении факультативных занятий в IX классе. В ней в занимательной форме рассказывается о памятных местах Ленинграда, связанных с прототипами литературных героев и самими литературными героями произведений русской классической литературы.

Р $\frac{0722\text{-}191}{\text{М}103(03)\text{-}74}$ 196—74 8

ОТ АВТОРА

Посещение мест, связанных с литературными героями, домов, где жили их прототипы, всегда интересно. Оно помогает лучше ощутить атмосферу произведения, взглянуть пристальнее на страницы книги.

Оттого так прекрасно с томиком стихов Пушкина бродить по тихим, задумчивым рощам Михайловского и Тригорского, читать «Я помню чудное мгновенье» в тенистой «аллее Керн», вспоминать объяснение Онегина и Татьяны, сидя на «скамье Онегина», или отправиться в литературное путешествие по Одессе, не забыв заглянуть в старый «Гамбринус». Вновь оживают страницы книг, когда мы подходим к дому пиковой дамы или дому Раскольникова. Имена знаменитых литературных героев звучат для нас так, словно герои эти жили, реально существовали в Петербурге. И мы готовы отправиться им вослед по старому и удивительно молодому городу на Неве. За многими литературными героями стояли их прототипы, живые люди, черты которых помогли писателям создать литературный образ. Есть точные указания адресов литературных героев у самих авторов, иные дома легко можно найти, узнав об истории создания произведения. Есть места, овеянные литературными легендами: омут в селе Берново на Верхней Волге считается местом, где утопилась пушкинская «Русалка». (Существует предположение, что поэт, бывавший в Бернове, узнал там печальную историю о дочери мельника, утопившейся в этом омуте.) И «скамья Онегина» в Тригорском, и дом станционного смотрителя в Выре, и «аллея Волконского» в Ясной Поляне (Болконского в «Войне и мире»), и «дом с мезонином» (село Даньково Калужской области), и недавно еще существовавший в Москве «дом Фамусова» — все это передаваемые из поколения в поколение названия мест, тесно связанных с жизнью писателей и прототипов их литературных персонажей.

Долог путь, по которому отправились путешествовать по жизни литературные герои. Имена многих из

них стали нарицательными. В их честь открыты литературные музеи и установлены памятники (Дон Кихоту и Санчо Пансо в Мадриде, Тому Сойеру и Гекльберри Финну в городе Ганнибале). Своеобразными музеями литературных героев в нашей стране можно назвать и «кабинет Онегина» в музее Пушкина в Москве, и «кабинет Фауста» в Публичной библиотеке Ленинграда, и «дом станционного смотрителя» в Выре.

Ленинград — живая книга классиков русской литературы. Одни страницы этой книги рассказывают о домах, где жили Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский. Другие, менее известные, страницы открывают места, где жили или побывали литературные герои этих писателей.

Проходя набережной Фонтанки, глухим двором или узким переулком где-нибудь в районе Вознесенского проспекта (ныне проспект Майорова), мы редко замечаем, что идем по следам всемирно известных литературных героев, что за нашей спиной остаются их дома. Маршруты этих героев — это маршруты самих авторов. (Не случайно, что иной раз даже дом, где жил писатель, становится адресом литературного персонажа. Часто дома эти соседствуют друг с другом.)

Город на Неве... По его тротуарам «прошла» вся русская классическая литература, оставив свои невидимые следы. Но надо уметь различить их. Ни в одном городе мира не проживало так много литературных персонажей, как в Петербурге. Ни на одной карте другого города мира нельзя нанести столь густую сеть их маршрутов. Поэтому и книга наша в основном посвящена литературным героям города на Неве. Но, прежде чем отправиться в литературную экскурсию по Ленинграду, остановимся на несколько минут у тех мест, откуда вышли литературные герои нашего детства. Ведь, прежде чем мы серьезно знакомимся с Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым, мы жадно «проглатываем» книги Дефо и Дюма, Конан-Дойля и Распе. Мы не раз вместе с Д'Артаньяном сражаемся на шпагах, строим хижину вместе с Робинзоном Крузо или распутываем еще одно невероятно трудное дело вместе с Шерлоком Холмсом. Но где и как родились эти литературные герои, как пришли они к нам?

ГЕРОИ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ КНИГ

Продолжают жить на земле с людьми Робинзон Крузо и Дон-Кихот, Спартак и Фауст, Гамлет и госпожа Бовари. И даже какой-нибудь д'Артаньян. Как живые сопутствуют нам, русским людям...

В. Солоухин

В ГОСТЯХ У ТОМА СОЙЕРА И ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

В предисловии к повести о Томе Сойере Сэмюэл Клеменс (Марк Твен) пишет: «Большинство приключений, описанных в этой книге, происходило взаправду: два-три приключения — со мною, остальные — со школьными моими товарищами. Гек Финн существовал на самом деле. Том Сойер тоже. Но не в качестве отдельного лица: в нем объединились черты трех моих знакомых мальчишек».

Твен не сказал здесь еще об одном: младший брат Тома, тихоня и ябеда, Сид — это Генри, младший брат Сэмюэла Клеменса.

Мальчики и девочки Марка Твена живут в «убогом городишке» Санкт-Петербурге. (Американцы любят давать своим маленьким городам пышные названия чужих столиц: в Америке и сейчас есть городок Москва, несколько Парижей, есть Константинополь и т. д.)

Однако место действия двух повестей Твена связано совсем с другим городом.

Сэмюэл Клеменс тринадцать лет прожил в небольшом уютном городе Ганнибале на западном берегу Миссисипи. Здесь прошло его детство, здесь босоногий «черный мститель испанских морей» в компании таких же отчаянных сорванцов и проказников забирался в сады соседей, играл в пиратов, в индейцев, мечтал стать клоуном, иногда, молча, сидел на шумной городской пристани, внимательно наблюдая, как разгружают колесные пароходы, и завидовал матросам.

В школе он познакомился с любознательной большеглазой девочкой — Лаурой Хоккинс и подружился с нею. У Лауры курносый нос и две коротенькие косички. Она очень нравится Сэмюэлу. Может быть, ему удастся уговорить Уилла Боуэна и сорвиголову Томаса Сойера Спиви взять Лауру с собой на остров или на поиски клада.

Посидев на пристани час-другой, Сэмюэл идет домой на Хилл-стрит, 206. Это всего в двух кварталах от пристани. Дома он торопливо проглатывает все, что подают ему, нехотя отвечает на вопросы отца — Джона Клеменса о школьных занятиях.

Хорошо Тому Бланкеншипу! — думает он.— Не нужно готовить уроки, не нужно ходить в церковь и выслушивать там унылые воскресные проповеди. Том может спать, где ему заблагорассудится: у себя в лачуге на окраине Ганнибала, или на крыльце чужого дома, или даже в бочке. Во всем Ганнибале,— да что в Ганнибале, — во всем свете не найти такой вольной птицы, как Том Бланкеншип. Он ходит в рваных штанах, подпоясанных веревкой, на голове — широкополая шляпа. Все мальчики из обеспеченных семейств завидуют Тому.

Пройдет много лет, и на страницах его книги заживут второй жизнью хорошо знакомые мальчишки из Ганнибала. В его Томе Сойере будет понемногу и от Уилла, и от Томаса, и от самого Сэмюэла. А вот Бекки Тэчер и Гека Финна он срисует прямо с натуры. Он поселит их всех в городке Санкт-Петербурге, белоснежные дома и зеленые улицы которого так похожи на родной его Ганнибал.

Заканчивая повесть о Томе Сойере, Твен напишет: «Большинство героев этой книги здравствуют и посейчас; они преуспевают и счастливы». И еще пройдет много лет. Известным писателем он вернется в этот город на Миссисипи, на этой «замечательной во всех отношениях» реке. Он встретится со своими друзьями, героями своих книг. Он сфотографируется рядом с седенькой женщиной Лаурой Хоккинс. И внизу на карточке напишет трогательное: «Том Сойер и Бекки Тэчер». Наверное, он посетит и ту пещеру, где однажды заблудился со своей попутчицей. Теперь пещера получила название: «Пещера Тома Сойера».

Через три десятилетия после смерти Марка Твена

в Ганнибале появился «Дом Тома Сойера». В этом музее воссоздана обстановка, в которой жила семья Клеменсов: вот кресло тети Полли, вот стол — под ним Том подслушивал разговоры взрослых, вот в спальне деревянная кровать Тома и даже его ботинок... один! Где второй? Им Том, наверное, только что запустил в Сида.

А вот и знаменитый «забор Тома Сойера». Напротив, через дорогу,—«домик Бекки Тэчер». У входа надпись: «Здесь сохраняется часть обстановки, которая была в те давно ушедшие времена, когда девочка с желтыми косичками глядела из окон на мальчика, жившего на той стороне улицы».

Есть в Ганнибале книжная лавка «Бекки Тэчер», кинотеатр «Том Сойер» и много других мест, носящих имя самого Марка Твена или его литературных героев. Для предприимчивых дельцов это бизнес, а для бизнеса главное — реклама. В «пещере Тома Сойера» давно проведен электрический свет, и владелец подземного лабиринта берет деньги с туристов, желающих поглядеть этот сталактитовый подземный город. Бар «Гек Финн» (имя это еще недавно было чуть ли не под запретом), мотель «Индеец Джо» зазывают яркими огнями приезжающих.

А на берегу Миссисипи в городском парке стоит памятник писателю: Твен смотрит на свою любимую реку, по которой в юности проплавал несколько лет сначала учеником лоцмана, а затем и дипломированным лоцманом. Это были радостные, счастливые годы писателя.

Через шестнадцать лет после смерти Марка Твена ганнибальцы поставили еще памятник — двум его героям: бронзовые Том и Гек спускаются с холма. В руках у них палки, они веселы и готовы к новым приключениям...

Долгий и счастливый путь у этих литературных героев, любимцев мальчишек всего мира.

НА БЕЙКЕР-СТРИТ, 221б

Нет, положительно этому литературному герою повезло больше других. Разве хоть один персонаж художественного произведения получает такую массу писем, как Шерлок Холмс? Корреспонденция, отправлен-

ная знаменитому сыщику, заняла бы, наверное, почтовый вагон поезда.

Пишут из разных уголков Земли с просьбой помочь распутать сложное уголовное дело, найти пропавшую дорогую вещь, пишут просто, чтобы выразить благодарность Холмсу за искусно проведенное одним из английских инспекторов расследование.

И полисмены, начиная свою службу, считают непременным долгом приходить сюда, на Бейкер-стрит, 221б, в музей Шерлока Холмса. Это дань уважения своему старому учителю и наставнику.

Письма аккуратно доставляются на Бейкер-стрит. На каждое письмо, не вызывающее, впрочем, никакого удивления ни у швейцара, ни у почтальона, страховая компания, разместившаяся в доме, с обычной английской вежливостью отвечает, что, к сожалению, Шерлок Холмс давно уже не живет по этому адресу. Но люди продолжают писать, продолжают верить в Холмса.

Ведь о нем, о Шерлоке Холмсе, столько написано после выхода в свет книги Конан-Дойля! Существуют исследования: «Частная жизнь Шерлока Холмса», «Шерлок Холмс и музыка». В Лондоне есть общество Шерлока Холмса. Это общество организует костюмированные игры, в мельчайших подробностях воспроизводятся сюжеты рассказов о Холмсе. И так же как в юбилейные дни Пиквикского клуба переодетые в костюмы героев Диккенса лондонцы шествуют по городу, устраиваются своеобразные маскарады с участием Шерлока Холмса и его неизменного друга доктора Уотсона. Те, кто впервые приезжают в Лондон, спешат посетить музей-квартиру Холмса на Бейкер-стрит.

Впрочем, в Лондоне есть несколько домов, где якобы жил и бывал знаменитый сыщик.

На фасаде дома по Бейкер-стрит, 221б, чтобы не было сомнений у многочисленных поклонников Холмса, висит мемориальная доска, подтверждающая, что здесь с 1881 по 1903 год жил и работал знаменитый сыщик Шерлок Холмс. Семнадцать ступенек ведут в кабинет сыщика, те самые семнадцать ступенек, количество которых так хорошо помнил Холмс. Однажды он поставил в тупик Уотсона, задав ему вопрос о количестве ступенек в их доме. Войдем в эту квартиру. Здесь все, от самой малой до самой крупной вещи, не

случайно. Здесь можно найти любой предмет, хоть раз упоминавшийся в книге Конан-Дойля. На столе — чашки с недопитым чаем, молочник и сахарница, а рядом две револьверные пули и отмычки, стетоскоп доктора Уотсона. На камине среди трубок, перочинных ножиков и шприцев лежит на первый взгляд совсем безобидная коробочка из слоновой кости. Ее, как, впрочем, и все остальные предметы, не рекомендуется трогать. В коробочке находилась иголка с ядом, чуть не убившая знаменитого детектива. На полу лежит карта района Дортмута, с помощью которой Холмс распутывал страшную и загадочную историю с Баскервильской собакой. А вот и любимая скрипка, с которой Холмс отдыхал от своих головоломных расследований. Возле окна — гипсовый бюст человека. Такой же точно был в рассказе «Пустой дом». Помните? «Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине ее, отчетливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица — все это не оставляло никаких сомнений... Это была точная копия Холмса».

«Острые черты лица», худощавая высокая фигура, широкие плечи. В облике Шерлока Холмса нашли воплощение черты Джозефа Белла, профессора медицины Королевского госпиталя в Эдинбурге. Это был учитель молодого Конан-Дойля, закончившего медицинский факультет Эдинбургского университета.

Джозеф Белл пользовался огромной популярностью и среди студентов и среди полицейских, часто прибегавших к его помощи. Он владел в совершенстве методом дедуктивного мышления, мог не только поставить точный диагноз до того, как больной раскрывал рот, но часто исключительно по одному внешнему виду человека определял, кто он и откуда. И внешне Холмс очень напоминает профессора Белла с его ястребиным профилем и угловатыми плечами. Впрочем, исследователи полагают, что и сам Конан-Дойль имел много общего со своим литературным героем, хотя внешне совсем не был похож на него.

Дойль обладал незаурядной памятью, зоркостью, немалой эрудицией в разных областях знаний. И, главное, он не хуже своего учителя — профессора Белла и самого Холмса умел пользоваться методом сравнительного анализа.

В период завершения книги о Шерлоке Холмсе Конан-Дойль сделался неплохим следователем. Не удивительно: ведь автор сам запутывал, а затем хитроумно распутывал сюжет за сюжетом.

...Пуля попала в гипсовый бюст Шерлока Холмса, разрушив его. Иголка с ядом выскочила из коробочки, как только Холмс открыл ее. Его пытались убить не однажды. А когда сам автор решил распрощаться со своим героем, ему не позволили это сделать многочисленные читатели. Они требовали возвращения Холмса. И Холмс вернулся. Вот почему почтальоны несут все новые и новые письма бессмертному сыщику на Бейкер-стрит, 221б.

ПОДВИГИ Д'АРТАНЬЯНА

В городке Ош, на юге Франции, в 1931 году был воздвигнут памятник д'Артаньяну. Величественная фигура гасконца отлита в бронзе. Он стоит, гордо подняв голову. Широкополая шляпа с перьями. Мушкетерский плащ. Левая рука на шпаге. Кому поставлен этот памятник? Литературному герою или его прототипу?

...Александр Дюма однажды перелистывал книги в Королевской библиотеке. Он искал материалы из эпохи Людовика XIV.

Прославленный автор, выпускающий по нескольку романов в год, черпал сюжеты из исторических хроник, воспоминаний, отчетов об уголовных процессах, а то и просто из старинных легенд. Под его пером сухой документальный материал оживал, обретал плоть и кровь. Вот и теперь его внимание привлекли оказавшиеся случайно под рукой «Воспоминания господина д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров», изданные еще в 1704 году. Здесь же был и портрет д'Артаньяна. Умные, немного насмешливые глаза, ниспадающие до плеч волнистые волосы, военные доспехи. Дюма углубился в чтение. Воспоминания оказались сочинением некоего Гасьена де Куртиля де Сандра, а вовсе не мемуарами самого д'Артаньяна. Гасьен знал знаменитого мушкетера и говорил от его имени. Впрочем, были догадки, предположения, что записки мушкетера существовали в действительности, но после его смерти по приказу Людовика XIV были уничтожены: король опасался, по-видимо-

му, опубликования множества фактов, не подлежащих разглашению. Приключение мушкетера д'Артаньяна стало основой будущего романа Дюма. Впрочем, и Атос, и Портос, и Арамис, а также их командир де Трувиль тоже появились в книге не случайно. Имена их бегло упоминались в воспоминаниях д'Артаньяна. Писатель переделал фамилию Анри Арамиц на Арамис, а Исаака де Порто превратил в Портоса. Фантазия уводила Александра Дюма все дальше и дальше от реальных событий. Четверо мушкетеров могли быть вместе всего несколько месяцев 1643 года. Автор «Трех мушкетеров» объединил их на многие годы. Но и самый свободный вымысел Дюма не мог бы наделить литературного д'Артаньяна бо̀льшими подвигами, чем те, что действительно совершил в жизни мушкетер.

Он родился в 1620 году недалеко от городка Ош, в местечке Люпиак. И сегодня можно увидеть здесь замок Кастельмар, где жил д'Артаньян. Замок строгих очертаний, с четырьмя башнями, стоит на берегу реки Тенарезы. В нескольких километрах от Люпиака находится утопающая в зелени деревня Артаньян.

От названия этой старинной деревеньки и пошел славный род д'Артаньянов.

Шарлю д'Артаньяну, как и его предкам, предстояло стать воином.

Он направляется в Париж с рекомендательным письмом. Но больше он полагается на собственное мужество и ловкость. В Париж он едет не на жалкой пегой кляче, а на прекрасном скакуне, купленном на ярмарке. Рекомендательное письмо затерялось в долгом и утомительном путешествии из Оша в Париж. Мечта о зачислении в личную гвардию короля не сбылась. Пока что благодаря Трувилю он служит кадетом в гвардии.

Д'Артаньян сражается во Фландрии. Первым врывается он в форт Сан-Филипп. Имя его становится известным благодаря исключительной храбрости. Он удостаивается наконец чести быть солдатом личной гвардии короля. Но он недолго был мушкетером. После смерти всесильного кардинала Ришелье мушкетеров распускают. Д'Артаньян становится личным курьером нового кардинала Франции — Мазарини. В любую погоду с бешеной скоростью скачет курьер кардинала

по дорогам Франции и Нормандии. Нет случая, чтобы письмо кардинала не было доставлено в срок.

Когда вспыхнул бунт, вызванный жестоким правлением Мазарини, д'Артаньян доставляет в осажденную крепость города Бордо письмо Мазарини с обещанием помиловать всех, кто прекратит сопротивление.

Впервые здесь переодетый нищим д'Артаньян выступает не только в роли отважного воина, но и талантливого актера. Еще бо́льшие актерские способности демонстрирует он, пробираясь в осажденный испанцами город Ардр.

Людвик XIV решает восстановить свою личную гвардию. Снова д'Артаньян надевает шляпу с перьями, алый камзол и синий мушкетерский плащ с серебряной перевязью.

Самые ответственные и рискованные операции поручают любимцу короля. Он арестовывает могущественного министра финансов Фуке. (Этот эпизод Дюма описал в романе «Виконт де Бражелон».) Опальный министр был доставлен в крепость Пигнероль. Благодарный король предлагает д'Артаньяну должность коменданта этой крупной крепости.

Но честный мушкетер отвечал: «Я предпочитаю быть последним солдатом Франции, чем ее первым тюремщиком». А вот от другого назначения мушкетер не отказывается.

Рядовой солдат, он становится командиром гвардии короля.

Д'Артаньян со своими мушкетерами отвоевывает город Лилль у испанцев, участвует в осаде крепости Маастрихт на границе Бельгии и Голландии. Это был последний бой д'Артаньяна. Пуля из мушкета пробила ему гортань. Его тело с трудом было отбито. Франция оплакивала своего бесстрашного воина, о котором сказал Сен-Биз: «Д'Артаньян и слава покоятся под одним саваном».

...Дюма любил повторять, что история — это гвоздь, на который он вешает свою картину. Писатель довольно свободно обращался с фактами, дополнял их, иногда изменял.

Так, вопреки действительности, д'Артаньян на страницах книги Дюма сделался вовсе не помощником и доверенным лицом Мазарини, а его злейшим врагом, получил чин лейтенанта намного раньше, чем это слу-

чилось в жизни. Дюма произвел своего героя в маршалы Франции. Но главное — это сам д'Артаньян с его храбростью и умом, благородством и справедливостью. Верится, что таким же был и его замечательный прототип.

ОСТРОВА РОБИНЗОНА КРУЗО

Два острова долго и безуспешно оспаривали право так называться. Это остров Мас а Тьерра в Тихом океане и Тобаго в Атлантике. Первый остров не так-то легко найти на карте. Он довольно мал — всего 5 километров в ширину и 20 в длину. Архипелаг Хуан Фернандес, состоящий из трех островков (один из которых Мас а Тьерра) находится немного западнее Сантьяго, столицы Чили.

Остров Тобаго расположен в устье реки Ориноко, восточнее Венесуэлы. Здесь местные жители обязательно покажут туристу (на каждого островитянина приходится примерно по одному туристу в год) и «пещеру Робинзона», и отель «Робинзон Крузо». Вас будут уверять, что действие романа Дефо связано с островом Тобаго.

На острове Мас а Тьерра, на вершине Эль Юнке, находился наблюдательный пункт английского моряка Александра Селькирка, прототипа всемирно известного Робинзона Крузо. Поэтому здесь установлена мемориальная доска. Так какой же из этих двух островов имеет право называться островом Робинзона?

...Восемнадцатилетний Александр Селькирк, с детства мечтавший о морях и океанах, покинул родной дом в Ларго (Шотландия) и отправился в далекое плавание.

На судно напали французские пираты, и юного моряка взяли в плен. Ему удалось убежать и вскоре поступить на другой корабль, тоже пиратский. Домой Александр вернулся с туго набитым кошельком. Но ему не сидится на месте. Жажда морских странствий, возможность разбогатеть толкают его на новые приключения. На этот раз двадцатисемилетнего шотландца берут боцманом в экипаж флотилии Дампьера, натуралиста и корсара, исследователя морей и отчаянного морского волка. Шел 1703 год, время массовых морских разбоев, когда английские и шотландские пираты под флагом веселого Роджерса хозяйничали на

море. Во время плавания между капитаном галеры Томасом Стредлингом, человеком крутого и жестокого нрава, и боцманом Селькирком вспыхивают частые ссоры. Селькирк решает покинуть галеру.

Он берет с собой в шлюпку все самое необходимое: платье, порох, кремневое ружье, пули, табак, котел и нож. Высаживается в 600 километрах от Чили, на пустынном островке Мас а Тьерра. Моряк надеется, что долго ему не придется отсиживаться на этом острове, что первый же корабль, зашедший сюда за пресной водой, заберет его.

В густой растительности острова много птицы, дикие козы, почти не видавшие людей, подпускают к себе совсем близко. Черепахи откладывают яйца в прибрежный горячий песок. Проходят месяцы, а корабль не появляется на горизонте. Напрасно каждый день добровольный изгнанник взбирается на вершину горы и со своего наблюдательного пункта жадно всматривается в даль. Океан пустынен. Селькирк проклинает судьбу и остров, где он заживо похоронен. Он еще не знает, что галера «Сенк пор» вскоре после того, как ее покинул Селькирк, потерпела крушение, и почти вся команда галеры погибла.

С одиночеством лучше всего бороться трудом, и Селькирк строит две хижины из бревен и листьев. Одна служит ему спальней и кабинетом, другая — кухней. Когда вся его одежда пришла в негодность, он шьет себе новую — из козьих шкур. Вместо иглы ему служит гвоздь. Не одну ночь он проводит в компании крыс, тщетно пытаясь бороться с ними. Проходит более четырех лет. Руки Селькирка огрубели, кожа обветрилась. Он весь оброс, стал похож на первобытного человека и уже не надеется на спасение.

31 января 1709 года со своего наблюдательного пункта Селькирк заметил далекую точку в океане. Бешено заколотилось сердце. «Только бы корабль не прошел мимо, как это уже бывало несколько раз». Ну, слава богу, судно держит курс на остров Мас а Тьерра.

...Селькирк обрел дар речи, только оказавшись на борту шхуны «Дьюк». Правда, его ждало некоторое разочарование: «Дьюк» должен был направиться в кругосветное плавание. Прошло еще тридцать три месяца, прежде чем Селькирк увидел свою родную Шотландию.

Он становится сразу же чуть ли не самым популярным человеком во всей Англии. О его необыкновенных приключениях, о долгом одиночестве на необитаемом острове пишут все газеты. Его приглашают в самые аристократические дома Лондона. Журналисты добиваются с ним встречи. Видимо, в это время Даниэлю Дефо, английскому журналисту и памфлетисту, удается повидать своего будущего Робинзона. Но мысль написать книгу о приключениях Робинзона Крузо пришла Дефо позже — когда он прочел дневник капитана шхуны «Дьюк» Роджерса. В этом дневнике было несколько страниц, посвященных встрече с Александром Селькирком на острове Мас а Тьерра. Но Дефо не следует слепо действительности. Двадцать восемь лет одиночества Робинзона куда страшнее четырех лет изгнания шотландского моряка. В романе появляется Пятница. И еще одно отступление от жизни делает Дефо — это место обитания Крузо. Вспомним, что корабль Робинзона отправляется от берегов Бразилии, затем пересекает экватор. Ветер относит судно на север. Капитан держит курс на остров Барбадос 12° северной широты. Здесь моряков настигает второй шторм. Корабль снова относит. Теперь уже на запад. Вскоре он терпит кораблекрушение.

Судя по координатам, остров, на который волна выбрасывает Робинзона, назывался Тобаго. Этот район был, по всей вероятности, лучше известен Даниэлю Дефо, чем архипелаг Хуан Фернандес.

Будь Дефо более точен в описании места кораблекрушения, не шел бы столь долгий спор между двумя островами за право называться именем знаменитого литературного героя.

Чилийское правительство решило этот спор в пользу острова Мас а Тьерра, который теперь именуется островом Робинзона Крузо.

Впрочем, на острове Тобаго владельцы пещеры и отеля «Робинзона Крузо» не собираются менять столь притягательные для туристов названия. Да и жители Тобаго продолжают считать свой остров местом двадцативосьмилетнего заключения Робинзона Крузо. Может быть, они и правы. Ведь не будь Робинзона сегодня, не многие бы вспомнили о его прототипе — отважном моряке Александре Селькирке.

Литературные герои оставляют след не только на

земле, но и в душе человека. Что бы вы сказали, если бы повстречали сегодня Робинзона Крузо не на страницах старой книги, не на островах Мас а Тьерра или Тобаго, а в Ленинграде? Скорее всего вы смогли бы увидеть Олега Александровича Робинзона-Крузо в Ленинградском кораблестроительном институте, где он работает. У него крепкая, спортивная фигура, окладистая борода, как у знаменитого тезки. Громкое «литературное имя» получил Олег Александрович не случайно. Его дед, Николай Федорович Фокин, научившись грамоте у сельского дьячка, стал зачитываться приключенческими книгами. И подобно Александру Селькирку, в четырнадцать лет убежал из дому. В Архангельске Николай устроился юнгой на торговый корабль, объездил на нем чуть ли не весь свет. Однажды в Индийском океане моряки увидели на горизонте неизвестный остров. Спустили на воду шлюпку. Юнга упросил капитана разрешить ему сесть в эту шлюпку. Океан был неспокоен. Долго не удавалось пристать к острову. Набежавшая волна перевернула шлюпку. До острова доплыли лишь двое: юнга и еще один моряк. Двое суток, пока не утих шторм, они просидели на необитаемом острове. Когда же вернулись на корабль, капитан встретил отважного юнгу улыбкой, назвал его Робинзоном Крузо и тут же собственноручно вписал эту новую фамилию в судовой журнал. Так начался род Робинзон-Крузо в России.

Внук первого русского Робинзона тоже очень рано, как и дед, с неослабевающим интересом прочитал книгу Даниэля Дефо. Надо полагать, и профессию корабела выбрал Олег Александрович не случайно.

ОТ БОДЕНВЕРДЕРА ДО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Утопающий в зелени небольшой немецкий городок Боденвердер у реки Везер. По берегам ее разбросаны старинные рыцарские замки. Окрестные леса издавна считаются местом превосходной охоты. В них, по преданию, король Генрих Птицелов расставлял когда-то силки. Владелец старинного поместья в Боденвердере целые дни проводил в седле. После охоты по вечерам у него собирались друзья, чтобы за стаканом вина послушать удивительные рассказы хозяина дома барона Мюнхгаузена.

Барон, в желтом парике, довольный тем, что его внимательно слушают, попыхивая пенковой трубкой, рассказывал очередную историю из своих похождений. Он все более и более воодушевлялся, яростно жестикулировал, при этом парик его съезжал набок, а трубка часто гасла. Иероним Карл Фридрих Мюнхгаузен говорил самозабвенно, искренне веря сам в то, о чем рассказывал. Друзья давно знали, что барон любит приврать, нафантазировать, перемешав правду с изрядным вымыслом. Поэтому никто не спорит с ним, его слушают с чуть заметной усмешкой. Только новый гость барона, тридцатишестилетний Рудольф Эрих Распе, библиотекарь и профессор античности, как-то особенно серьезен. Он старается не пропустить ни одного слова рассказчика в этот майский вечер 1773 года.

...Теперь городок Боденвердер неизменно называют родиной Мюнхгаузена. Благодаря знаменитому вралю, вернее благодаря литературному Мюнхгаузену, город посещают туристы.

Символ города — не только герб, но и улыбающийся барон, летящий на ядре.

Около дома-музея Мюнхгаузена и павильона, где барон по своему обыкновению рассказывал свои небылицы, стоит памятник-фонтан: Мюнхгаузен на лошади, заднюю часть которой отсекло во время сражения. Вода вытекает из лошадиного брюха. Все так, как рассказывал знаменитый литературный герой: «...вода вытекала сзади по мере того, как она поглощалась спереди, без всякой пользы для коня и не утоляя его жажды».

Трудно сказать, кому в большей степени посвящен этот музей и этот памятник — жившему на самом деле барону или персонажу знаменитой книги.

В доме барона охотничьи трофеи, доспехи времен крестовых походов, оружие предков. Стены разрисованы — на них эпизоды из жизни бывшего владельца дома. Вот бесстрашный барон один на один с медведем, вот Мюнхгаузен в пылу атаки несется на разгоряченном скакуне, вот он в форме кирасира, и здесь же даты его жизни: 1720—1797. Фамильный герб Мюнхгаузенов изображает путника с фонарем и посохом в руке. В комнате хранятся подлинные вещи барона: пенковая трубка, походный сундук, пушечное ядро. (Помните, как

барон вернулся верхом на ядре из воздушной разведки?) Здесь же офицерская сумка, пистолет — возможно, тот самый, из которого барон как-то выстрелил в упряжь своей лошади, привязанной среди снегов России к верхушке колокольни. Снег стаял, и лошадь оказалась высоко над головой. Меткий выстрел барона вернул ему лошадь, и он смог продолжать путешествие по России. Мюнхгаузен действительно совершил однажды поездку в Россию. Он побывал в Санкт-Петербурге. Это было летом 1733 года. Тринадцатилетний паж Мюнхгаузен сопровождал в Россию юного герцога Брауншвейгского, которого русская императрица Анна Иоанновна избрала в мужья своей племяннице принцессе Анне. Вскоре после прибытия юного герцога в русскую столицу Анна Иоанновна издает указ о переименовании Ярославского драгунского полка в Брауншвейгский кирасирский полк (императрица благоволила ко всему иноземному), и Антон Ульрих Брауншвейг теперь шеф полка. По этому случаю и барон Мюнхгаузен облачается в мундир «своего» полка. Так он и расхаживает по Петербургу — в красном камзоле и плаще на синей байке. Василькового цвета воротник, кожаный галстук, в косичку парика вплетена черная муаровая лента. На ботфортах барона шпоры, на боку шпага. Для придания воинственного вида он надевает еще на грудь железную кирасу (панцирь). Красив, неотразим Мюнхгаузен. Он проникает в высший петербургский свет, играет в карты, участвует в веселых похождениях праздной молодежи, но больше всего его интересуют русские леса, где можно охотиться на лис и медведей.

Но вот настает конец праздному времяпрепровождению. В 1737 году вместе с русской армией барон отправляется в поход против турок. Участвует в штурме неприступной крепости Очаков. На третий день отчаянного штурма турки поднимают белый флаг.

Вместе с полком Мюнхгаузен вскоре оказывается в Риге. Как начальник почетного караула, он салютует Ангальт-Цербстской принцессе — будущей императрице Екатерине II, когда та пересекает границу России. Получив чин ротмистра, Мюнхгаузен выходит в отставку. Он вспоминает свой родной Боденвердер. В 1750 году барон покидает Россию. Он снова в своем родовом поместье на берегу Везера.

Бывший кирасир занялся сельским хозяйством и, конечно, охотой. По вечерам он рассказывает удивительные истории о недавних приключениях в России, рассказывает об охотничьих и военных подвигах. Он говорит страстно, вдохновенно. Льется пунш, дым от пенковой трубки облаком стоит над столом. Слуги наливают гостям новые кружки пунша. И правда и вымысел сливаются воедино. Распе слушает увлеченно импровизирующего Мюнхгаузена.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИ ПЕТЕРБУРГА

Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится
Невский.
Весь Летний сад — Онегина
глава,
О Блоке вспоминают острова,
А по Разъезжей бродит
Достоевский.

С. Я. Маршак

«ГОРОД ПЫШНЫЙ, ГОРОД БЕДНЫЙ...»

Белая ночь стоит над Невой. Дворцовый мост распахнул свои тридцатиметровые стальные крылья и застыл, давая путь теплоходам. Вслед за ним поднимает свое новое крыло и Кировский мост. Такси нетерпеливо ожидают, когда мосты свяжут друг с другом острова.

Медленно и пышно всплывает над Невой багровый шар солнца. Первый тонкий луч его тронул кружево решетки Летнего сада, оживил мокрые набережные, высветил золотой шлем Исаакия. Легли на гранит длинные тени от колонн Казанского собора. И словно потягиваются ото сна сфинксы у здания Академии художеств. А за ними и флегматичные львы-философы у дома Лаваля на набережной Красного флота.

Новый день пришел в Ленинград.

Здесь жили Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Достоевский. Город был их мастерской, их творческой лабораторией. Подобно скульпторам и художникам, писатели создавали на страницах книг облик удивительного, неповторимого и противоречивого города. Насколько беднее было бы наше представление о Петербурге, не оставь нам великие художники слова его многогранный портрет. И первые, самые яркие краски в этом портрете принадлежат, конечно, Пушкину.

Он сопровождает нас в прогулке по любому уголку старого города. Нам слышится повсюду его вечный голос.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный...

Все освещено его именем, приобрело второе, пушкинское, звучание.

Старинные липы Летнего сада шелестят о том времени, когда Пушкин приходил под их сень с книгой, когда гулял по тихим аллеям под руку с Наталией Николаевной. Ведь дом Баташева, где жил поэт, находился совсем близко от Летнего сада (набережная Кутузова, 32).

Набережная спокойной, медлительной Фонтанки. Вы проходите мимо дома № 20, где в квартире братьев Тургеневых Пушкин написал оду «Вольность». Из окон этой квартиры отчетливо виден мрачный Михайловский замок Павла I.

Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец.

На другом берегу Фонтанки, в доме № 25, у члена тайного политического общества «Союз благоденствия» Никиты Муравьева можно было часто видеть Пушкина. Он читал стихи, когда

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

(Осторожный Илья – это Илья Долгоруков, тоже член «Союза благоденствия».)

С Петербургом связана бо́льшая часть жизни Пушкина. Сюда он приехал из Москвы мальчиком, чтобы поступить в Царскосельский лицей, в этом городе на первой своей квартире (набережная Фонтанки, 185) он написал свою первую поэму «Руслан и Людмила». В Петербурге к нему пришли признание и слава.

В гостинице Демута, где в периоды вольных странствий часто останавливался Пушкин, была написана им поэма «Полтава», в доме Брискорн (набережная

Красного флота, 53) появилась восьмая глава «Евгения Онегина», в доме Жадимировского (ул. Герцена, 26/14) Пушкин закончил работу над «Дубровским», в доме Оливье (ул. Пестеля, 5) была завершена работа над «Медным всадником».

Осенью 1836 года Пушкин с семьей переехал на свою последнюю квартиру — в дом Волконской по набережной Мойки, 12. (Из этого дома в 1826 году уезжала в далекую Сибирь к ссыльному мужу Мария Николаевна Волконская.) Пушкины занимали нижний этаж.

Сейчас здесь музей-квартира А. С. Пушкина. Каждая вещь рассказывает о последних месяцах жизни поэта. В кабинете Пушкина все стены заняты полками с книгами. На письменном столе поэта чернильница с бронзовой фигурой арапа — подарок московского друга П. Нащокина, разрезной нож из слоновой кости, личная печать Пушкина, его визитная карточка. За этим столом, сидя в любимом кресле с откидной спинкой, Пушкин редактировал журнал «Современник», закончил работу над «Капитанской дочкой», написал стихотворение, посвященное двадцать пятой годовщине Лицея. Из этого дома днем 27 января 1837 года Пушкин направился к месту дуэли за Черной речкой. Светский Петербург платил Пушкину за смелость и правду вольнолюбивых стихов и хлестких эпиграмм тщательно подготовленной клеветой и травлей.

Санки уносили Пушкина и его секунданта Данзаса к заснеженной Черной речке. Был пятнадцатиградусный мороз. Дул сильный ветер.

Случайный ветер не разгонит скуку,
В пустынной хвое замирает край...
Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай![1]

...Петербург был его домом и его тюрьмой. Иной раз вдали от столицы поэту легче дышалось, чем в Петербурге.

«Жизнь моя в Петербурге ни то, ни се. Заботы... мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует

---

[1] Э. Багрицкий. Стихи и поэмы. М., Гослитиздат, 1956, стр. 852.

денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения»[1]. Это из письма к Нащокину.

В творчестве Пушкина есть два Петербурга. Один — построенный Петром как символ величия, красоты, воплощение государственного начала, и второй — Петербург маленьких людей, таких, как чиновник Евгений. Дворцы и хижины, величие и нищета. Пушкин не мог не видеть мрачные, теневые стороны Петербурга.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид...

Большинство литературных героев Пушкина живут в Петербурге. Они тесно связаны с городом, с его улицами, домами.

В пышном городе — старая графиня «Пиковая дама», Онегин, в бедном — мелкий чиновник Евгений, одержимый страстью к обогащению Германн, бедная вдова с дочерью Парашей.

Аристократические Малая и Большая Морская, Английская набережная на страницах произведений Пушкина сменяются узкими и тихими улицами Коломны и окраин Васильевского острова.

Великолепен особняк старой графини. К подъезду подкатывает роскошная карета, а где-то неподалеку высматривает запоздалого прохожего «ванька на тощей кляче своей». Даже в самом доме «Пиковой дамы» соседствуют богатство и нищета. Бедная воспитанница Лизавета Ивановна ютится в верхнем этаже дома. «Сколько раз, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходит плакать в бедной своей комнате, где стояли ширмы, оклеенные обоями, комод, зеркальце и крашеная кровать, и где сальная свеча темно горела в медном шандале!»

Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» отправляется на поиски дочери в Петербург. В деревушке Выре он оставил скромный домик почтовой станции с геранью на окнах и пестрыми картинками на стенах. Город чужд старику — он словно заодно с красивым, щеголеватым ротмистром Минским, отнявшим у смотрителя дочь. В этом городе страдают от бессилия и бедности и Евгений, маленький человек, бросив-

[1] А. С. Пушкин. Собр. соч., т. X. М., Изд-во АН СССР, 1957—1958, стр. 427. В дальнейшем цит. это издание.

ший вызов самодержцу Петру и всему Петербургу, и одержимый Германн.

Герои Пушкина из числа незаметных, маленьких людей, однажды отправившись в путь, позовут за собой и Башмачкина Гоголя, и Красинского Лермонтова («Княгиня Лиговская»), и Раскольникова Достоевского. Каждый выдающийся художник после Пушкина не мог не испытать влияния великого поэта и писателя. Где жили, бывали литературные герои Пушкина? Были ли у них прототипы?

Об этом мы расскажем в следующей главе.

...Вновь белая ночь опускается над Ленинградом:

Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

На короткий срок вспыхивает цепочка ленинградских речных фонарей. Вновь мосты распахивают свои крылья. И как будто совсем рядом развевается на ветру знакомая пушкинская крылатка, темнеет тонкий арабский профиль у гранитного парапета.

Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады.
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

ДЕНЬ ОНЕГИНА

Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.

(«Евгений Онегин»)

На полях рукописи первой главы романа «Евгений Онегин» Пушкин с улыбкой рисует себя и Онегина. Строки этой главы он пишет с легкой иронией, когда говорит о воспитании своего героя, о его манерах. И все время ставит себя рядом с Онегиным, сравнивает, ищет общие черты и не находит их:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной.

Пушкину хочется взять своего героя под руку, поделиться с ним мыслями, поспорить. Быстрое перо по-

эта чертит гранитный парапет, Петропавловскую крепость, лодку. Потом выводит профиль Онегина, его шляпу с широкими полями, модный костюм.

С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,
Стоял задумчиво Евгений...

Этот рисунок — лишь проект будущей иллюстрации. Внизу под ним Пушкин пишет брату: «Брат, вот тебе картинка для Онегина, найди искусный и быстрый карандаш».

Но и без рисунка профессионального художника нам отчетливо представляется внешность Онегина, когда мы закрываем роман,— настолько ярко и убедительно он обрисован; кажется, будто это портрет какого-то конкретного лица, современника Пушкина.

Интересно, что имя Евгений Онегин возникло у Пушкина, по всей вероятности, не случайно. Василий Львович Пушкин вез двенадцатилетнего Александра в Петербург для определения его в Царскосельский лицей. Проезжали через Торжок, раскинувшийся на холмистых берегах Тверцы. И тут одна из вывесок бросилась в глаза и, видимо, надолго запомнилась будущему поэту. «Евгений Онегин — булочных и кондитерских дел мастер»,— прочел юный Пушкин, отметив про себя романтически красивое имя торжковского пекаря.

Много лет спустя пушкинский Онегин сам промчится через этот городок:

Тоска! Тоска! Спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.

Если побывать на Пустынском кладбище в Торжке, можно найти родовую могилу Онегиных. На мраморном надгробии имя торжковского «булочных дел мастера». Мог ли знать он, что его имя войдет в историю литературы?

Трудно назвать человека, послужившего Пушкину прототипом его Онегина. Делались попытки сравнивать Онегина с друзьями поэта — Чаадаевым, Раевским, Баратынским, Веневитиновым. Может быть, какие-то внешние черточки и были заимствованы Пушкиным у тех, кого он хорошо знал,

Невский. В этом доме помещался ресторан Талон.

И места, где побывал его Онегин, Пушкин знал и любил. Летний сад был давнишней привязанностью поэта. Здесь еще мальчиком он восхищался чугунным кружевом оград, мраморными статуями богинь, домиком Петра. В Летний сад привел Пушкин и маленького Онегина. Но для утренней прогулки в более зрелом возрасте Онегин выбирает людный бульвар:

Надев широкий боливар[1],
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

Онегин не отступает от раз навсегда заведенного ритуала. После обеда следует прогулка в санках. Катания происходили обычно на Невском. Посередине проспекта были ряды деревьев.

Когда начинает смеркаться, Онегин «к Talon по-

---

[1] Шляпа «боливар» (по имени деятеля национально-освободительного движения в Южной Америке) была тогда модной среди русской дворянской молодежи.

мчался» (Невский, 15; сегодня в этом здании, на углу Невского и улицы Герцена, кинотеатр «Баррикада»). Это был известный всему Петербургу ресторан Талон (по имени владельца — искусного повара-француза). Ресторан был дорогой. Здесь

Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

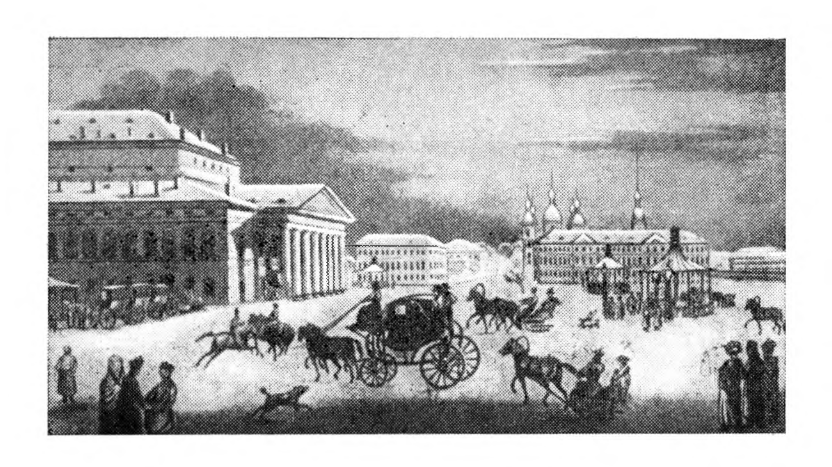
Остановимся вместе с Онегиным у этого дома с овальным шестиколонным портиком. Дом некогда принадлежал купцу Косиковскому. Свое состояние купец сколотил, спекулируя на казенных поставках хлеба. Ресторан Талон закрылся в 1825 году. Француз уехал в Париж. В помещении прославленного ресторана разместилось «Справочное место», а позже был открыт французский ресторан Фельета. (Сохранилась записка Пушкина, адресованная в этот ресторан, с просьбой отпустить на дом паштет из печени.) Позже в доме Косиковского находилась типография Плюшара. Одно время здесь проживали друг Пушкина Кюхельбекер и не раз высмеянный поэтом издатель Греч.

В начале XIX века в доме поселилась выдающаяся французская актриса Жорж. Когда Петербург, празднуя победу над французами, озарился огнями иллюминаций и фейерверков, дом № 15 на Невском оставался темным, безжизненным. Французская актриса, почитавшая всю жизнь Наполеона, облекла себя и свой дом в глубокий траур.

...Но последуем за Онегиным. Он не долго пребывал у Талона:

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру.

Вздымая снежную пыль, сани уносят Онегина к Большому петербургскому театру. Они скользят по Большой Морской, пересекают Исаакиевскую площадь. Вот и Поцелуев мост. Санки сворачивают на него и вскоре подкатывают к театру на Театральной площади (сейчас на этом месте Консерватория). Часы показывают половину седьмого. Вскоре начнется балет-

Большой театр на Театральной площади. Таким он был в пушкинское время.

ная премьера. Сбросив заснеженную шубу с бобровым воротником, Онегин устремляется в зал.

...Это был самый большой из трех петербургских театров. Он возник в 1783 году, а в 1811 году сильно пострадал от пожара. Театр был перестроен дважды — до и после пожара. Большой, или Каменный, петербургский театр вмещал до двух тысяч зрителей. Он имел пять ярусов. Внешне театр походил на ныне существующий в Ленинграде театр им. А. С. Пушкина. Комедии Фонвизина, Шаховского, оперные спектакли ставились на сцене Большого театра. В ноябре 1836 года Пушкин слушал в нем оперу Глинки «Жизнь за царя». На сцене Большого театра выступали знаменитые актеры Семенова и Каратыгин.

Зрительный зал был пестр и разнообразен. Всего лучше театральную публику характеризовал сам Пушкин: «Что такое наша публика? Перед началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми... Занавес поднимается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают»[1].

В первых рядах кресел восседала сановная знать: «Сии великие люди нашего времени, носящие на лице

[1] А. С. Пушкин, т. VII, стр. 7—8.

своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучные с образом их занятий, сии всегдашние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие в операх, внимательные, может быть, в одних только балетах...»[1].

Но была особая — левая — сторона зрительного зала, где часто собиралась театральная молодежь, друзья Пушкина, офицеры гвардии Каверин, Мансуров, Юрьев, члены литературно-политического кружка «Зеленая лампа».

Особенно оживленно становилось тогда, когда появлялся Пушкин. Друзья обменивались впечатлениями, рассказывали литературные и политические новости, не боялись иной раз высмеять и всевластного Аракчеева. Театр превращался для них в своего рода политический клуб. Они вели себя порой вызывающе, за что иные поплатились: так, известный драматург и переводчик П. Катенин был выслан из Петербурга.

По свидетельству И. Пущина, в один из весенних вечеров Пушкин во всеуслышание в театре кричал: «Теперь самое безопасное время — по Неве лед идет!» (В период ледохода прекращалось сообщение между левым и правым берегами Невы, Петропавловская крепость на короткое время бывала отрезана от остальной части города.)

В зрительном зале Большого театра Пушкин показывал знакомым и незнакомым портрет рабочего Лувеля, убийцы герцога Беррийского — наследника французского престола. На портрете была надпись: «Урок царям».

Вести себя подобным образом в императорском театре мог решиться очень смелый и вольнолюбивый человек.

Ни о чем подобном не помышлял литературный герой Пушкина. Театр нужен Онегину лишь для того, чтобы показаться в обществе в привычной роли театрального завсегдатая.

Для Пушкина театр — его жизнь, его молодость:

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин...

---

[1] А. С. Пушкин, т. VII, стр. 9.

. . . .

Там и Дидло венчался славой:
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

А для Онегина?

С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился — и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

Рассеянно и равнодушно смотрит Евгений на балетные пантомимы Г. Дидло, исполненные поэзии и изящества, а затем

Домой одеться едет он.

Несколько часов проводит Онегин в своем кабинете перед зеркалом. Пушкин подробно перечисляет все принадлежности его туалета. В музее Пушкина в Москве воссоздана обстановка, которая могла окружать Евгения в этом кабинете. Здесь на туалетном столике мы увидим

Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.

Заканчивается день Онегина на балу, куда он мчится в ямской карете:

Усеян плошками кругом,
Блестит великолепный дом;
По цельным окнам тени ходят...

Что это за дом? Точного адреса Пушкин не дает.

Но окна из цельного стекла были редкостью в Петербурге. Они могли быть в одном из лучших домов Петербурга, который принадлежал Остерману; на пышных приемах у него бывал весь Петербург. Дом этот находился на аристократической Английской набережной (ныне набережная Красного флота, 10).

Что ж мой Онегин? Полусонный
в постелю с бала едет он;
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.

Так бесцельно и праздно проходит день Онегина.

А завтра то же, что вчера.

...Другой след пушкинского героя уводит нас из Петербурга в деревню, «где скучал Евгений». Там

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою; вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые.

Подобную картину можно наблюдать в Михайловском с балкона деревянного одноэтажного дома Пушкиных. Живя здесь, в родительской усадьбе, «изгнанником два года незаметных», Пушкин не раз любовался медлительной Соротью (балкон выходил к обрыву над рекой), низкими луговыми берегами озера Кучане, ширью и простором михайловских рощ. Не только природу, но и быт, нравы некоторых обитателей Михайловского и Тригорского перенес Пушкин на страницы романа.

Немало времени проводил Пушкин у своих друзей Осиповых-Вульф в соседнем с Михайловским Тригорском. Рылся в библиотеке хозяйки дома Прасковьи Осиповны, музицировал с дочерьми ее Евпраксией и Анной. В Евпраксию (Зизи) одно время даже был влюблен. Ей посвятил он несколько строк пятой главы романа. Анна и Евпраксия были столь же не похожи друг на друга, как Ольга и Татьяна Ларины. Не случайно свой дом в Тригорском вся семья Осиповых-Вульф называла домом Лариных...

На берегу сонной Сороти стоит деревянная скамья, простая, удобная. После прогулки по рощам и аллеям Тригорского хорошо присесть на эту одиноко стоящую скамью. Над ней шелестят развесистые липы и вековые дубы, наклонившиеся к реке. Виден просторный луг.

Осенью ярко-красные, словно обожженные солнцем, листья один за другим плавно опускаются на сиденье, покрывая скамью пестрым одеялом. Ветер лег-

ко сдувает этот покров. На этой скамье когда-то назначались свидания молодежью «дома Лариных», происходили объяснения... С тех давних пор зовется она скамьей Онегина.

У ПОКРОВА

...Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову —
и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

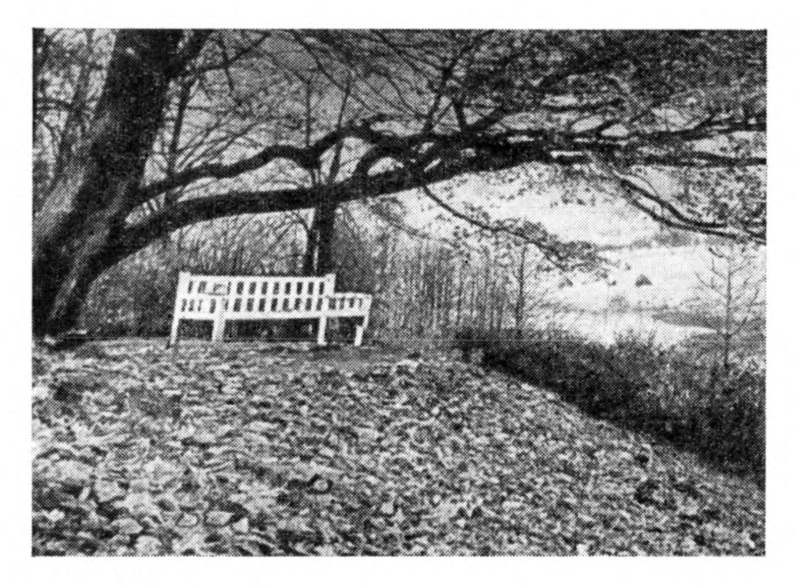
(«Домик в Коломне»)

Был ли у Татьяны Лариной реальный прототип? На протяжении многих лет ученые-пушкинисты не пришли к единому решению. В образе Татьяны нашли воплощение черты не одной, а многих современниц Пушкина. Может быть, мы обязаны рождением этого образа и черноокой красавице Марии Волконской, и задумчивой Евпраксии Вульф...

Но в одном сходятся многие исследователи: в облике Татьяны-княгини есть черты графини, которую вспоминает Пушкин в «Домике в Коломне». Юный Пушкин, живя в Коломне, встречал молодую красавицу-графиню в церкви на Покровской площади (пл. Тургенева):

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! все гляжу направо,
Все на нее.

«Домик в Коломне» появился спустя двенадцать лет после того, как Пушкин покинул Коломну. Поэт мог уже и не помнить имени графини. Однако друг поэта Плетнев писал, что это была графиня Стройновская, урожденная Будкевич. Самая красивая из дочерей генерала Будкевича, Екатерина родилась двумя месяцами позже Пушкина. С детства гордая и замкнутая, она не принимала участия в детских играх младших сестер и братьев. Помните, как Татьяна «дитя сама, в толпе детей играть и прыгать не хотела...»? Молодой

«Скамья Онегина» в Тригорском.

граф Александр Татищев считался ее женихом, но свадьба неожиданно расстроилась. Отец Татищева запретил сыну жениться. Возможно, причиной тому было малое приданое невесты. Соперницы красивой Екатерины стали злословить, молва о расстроившемся замужестве быстро облетела город. Необходимо было срочно спасать честь семьи. Новый жених, польский граф, богач, ученый и писатель, тонкий знаток и ценитель искусств, сенатор Валериан Стройновский был намного старше своей будущей жены.

Мать умоляла Екатерину согласиться на этот неравный брак. Восемнадцатилетняя красавица еще не забыла молодого Татищева. Но, наплакавшись вдоволь, заявила отцу бесстрастно, что она находит брак выгодным и надеется быть счастливой с графом Стройновским.

Невольно приходят на память слова Татьяны:

...Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...

В 1818 году они обвенчались в церкви у Покрова. Муж окружил молодую жену вниманием, заботой, роскошью, вывез ее в свет. На первом балу графиня танцевала с государем. Затем весь вечер от нее не отходил известный ловелас Чернышев. Первый выезд в свет оказался и последним. Муж испугался впечатления, произведенного на балу его женой. Через несколько лет у Стройновских родился ребенок. Был он хилым, похожим на старого отца. Невзгоды стали преследовать чету Стройновских. Граф занимался ведением тяжебных дел в сенате. Его обвинили в недобросовестном совмещении обязанностей судьи и адвоката и без суда и следствия по повелению Александра I отстранили от службы. К тому же граф проиграл процесс и вынужден был заплатить большую сумму денег. Приобретенный для молодой жены особняк (набережная Фонтанки, 167), неподалеку от дома Будкевичей (Фонтанка, 199), Стройновский продал, и семья переехала в новгородскую деревню. Так несчастливо сложилась жизнь Екатерины Будкевич. Семьи Пушкиных и Будкевичей жили в близком соседстве (вспомним, что квартира Пушкиных была на том же берегу Фонтанки, в доме адмирала Клокачева). Дом, на третьем (в то время последнем) этаже которого была квартира Пушкиных, находился между домами Будкевича и Стройновских. Ныне этот пятиэтажный дом с мемориальной доской имеет № 185.

Пушкину была известна история замужества Екатерины Будкевич, ее жизнь в доме на Фонтанке.

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб... В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня внесла.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам,— она была несчастна.

В 1835 году Стройновский умер. Спустя год Екатерина Стройновская вышла замуж за тульского губер-

натора, генерала с замысловатыми именем и отчеством — Елпидифор Антиохович.

Интересно, что в драме Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» выведен пристав с именем Антиох Елпидифорович. Видимо, не случайное совпадение. Елпидифор Антиохович был, по свидетельству Герцена, простой служака, небольшого роста, средних лет, незавидной внешности. Был он, однако, храбр и весьма добр душой.

А глаз меж тем с нее не сводит
Какой-то важный генерал.

Но, создавая роман «Евгений Онегин», Пушкин не мог знать дальнейшей судьбы гордой графини. Совпадение жизненных линий здесь случайно.

Если графиня — вполне реальный персонаж «Домика в Коломне», то бедная Параша, счастливая и беспечная в своей бедности, вместе со старушкой матерью, видимо, придуманы поэтом. Впрочем, о «смиренной лачужке» Пушкин говорит так, словно он сам ее видел.

...У Покрова
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, как теперь
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

Дни три тому туда ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.

У Покрова — это название места, где находилась Покровская церковь на Покровской площади (теперь этой церкви на площади Тургенева нет). Построена была церковь архитектором Старовым в год рождения Пушкина. Потом несколько раз ее перестраивали. В 30-х годах нынешнего столетия потребовалось расширить площадь Тургенева, и церковь снесли. Она была мало похожа на ту, которую видели Пушкин и Екатерина Стройновская. Под сводами Покровской церкви слушал богослужение пестрый, разношерстный люд. Молились мелкие ремесленники, отставные унтеры, генералы, кухарки и гордые великосветские дамы.

Совсем недалеко от церкви, «за самой будкой», стояла лачужка. Если взглянуть на карту полицейских участков, то можно найти полицейскую будку на углу Прядильной ул. и Английского просп. (пр. Маклина).

Коломна у Покрова. Иллюстрация Е. Бернардского к «Домику в Коломне».

Еще при Пушкине исчез этот деревянный домик. Давно нет и трехэтажного дома, о котором упоминает поэт:

Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо.

Но по-прежнему на берегу Фонтанки, недалеко от Египетского мостика, по обеим сторонам которого лежат ленивые бронзовые сфинксы, стоит трехэтажный особняк, принадлежавший некогда Стройновским. Его фасад мало изменился с тех далеких времен. Тихий, словно заснувший дом. Мимо него быстрой, легкой походкой так часто проходил по набережной Фонтанки Пушкин. Его дом был в сотне шагов от этого места.

Время наложило отпечаток на дома, где жили Будкевичи и Пушкины. Здания эти выросли, стали и выше и шире, особенно дом Будкевичей у Калинкина моста. В доме № 185 на набережной Фонтанки, где начиналась литературная слава Пушкина, прошли последние годы жизни выдающегося петербургского архитектора Карло Росси.

...Три моста — с тяжелыми башнями и цепями Калинкин мост, легкие, изящные Английский и Египет-

ский мостики — переброшены через Фонтанку. Три дома стоят на правом берегу узкой, спокойной реки. Словно тонкая нить протянулась через эти три дома, связав их воедино. Напротив трехэтажного дома Стройновских высится девятнадцатиэтажный корпус гостиницы «Советская». И в стеклянных стенах современного корпуса, как и в водах Фонтанки, отражается скромный и строгий силуэт старой Коломны.

ДОМ СТАНЦИОННОГО СМОТРИТЕЛЯ

Почти все почтовые тракты мне известны... Редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела.

(«Станционный смотритель»)

А теперь перенесемся на некоторое время из Петербурга на киевский дорожный тракт. Накрапывает нудный осенний дождь. Бесконечной мокрой лентой тянется дорога. Усталые лошади тащат желтый скрипучий дилижанс. Задние большие колеса то и дело застревают в грязи. Слышится покрикивание ямщика и щелканье кнута. Лошади настолько привыкли к этим окрикам и взмахам кнута, что уже не реагируют на них. В углу просторного дилижанса человек в дорожном плаще. Он дремлет. Лицо, несмотря на природную смуглость, бледно. Цилиндр клонится к клетчатому шарфу.

Вот уже много дней как Пушкин в пути, он возвращается в Петербург из поездки в Арзрум. Жизнь на перекладных измотала его. Позже он напишет: «Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст»[1]. Вынужденные часы ожидания лошадей, холод и грязь сопровождали его и в путешествиях в Болдино, и в Симбирск, и в Псков. Немногим лучше было и на пути из Петербурга в Москву: «В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и — неслыханная вешь! — их подковывали на дороге... Насилу дотащился в Москву...»[2].

И все же без вольного ветра странствий Пушкин

---

[1] А. С. Пушкин, т. VI, стр. 643.
[2] А. С. Пушкин, т. X, стр. 416.

не может жить долго. Его тянет в путь из душного светского Петербурга. Он делится с московским другом Павлом Нащокиным: «Путешествие нужно мне нравственно и физически»[1]. Путешествие одаривает песнями, крестьянским говором, ощущением бесконечных просторов России и каким-нибудь нехитрым рассказом, услышанным в дороге. Рассказом, который неожиданно обернется сюжетом будущей маленькой повести.

...Уже позади Псков и Луга. Скоро Рождествено, а там рукой подать и до Выры, где Пушкин отдохнет на почтовой станции и сменит лошадей. Вот показываются серые покосившиеся выринские избы, широкий выгон, придорожный трактиришко для кучеров. И низенький домик почтовой станции.

Кибитка останавливается у этого домика. Вместе с попутчиком, неразговорчивым сельским лекарем, Пушкин выходит из коляски. Он с удовольствием вдыхает свежий осенний воздух, распрямляет плечи, окидывает взглядом знакомый по прошлым его поездкам светлый домик, притулившуюся к нему березу, в глубине двора деревянную конюшню и колясочную.

Пушкин направляется к крыльцу дома. Его встречает знакомый станционный смотритель, берет подорожную, записывает ее в книгу. Потом появляются на столе пышущий жаром самовар и сливки.

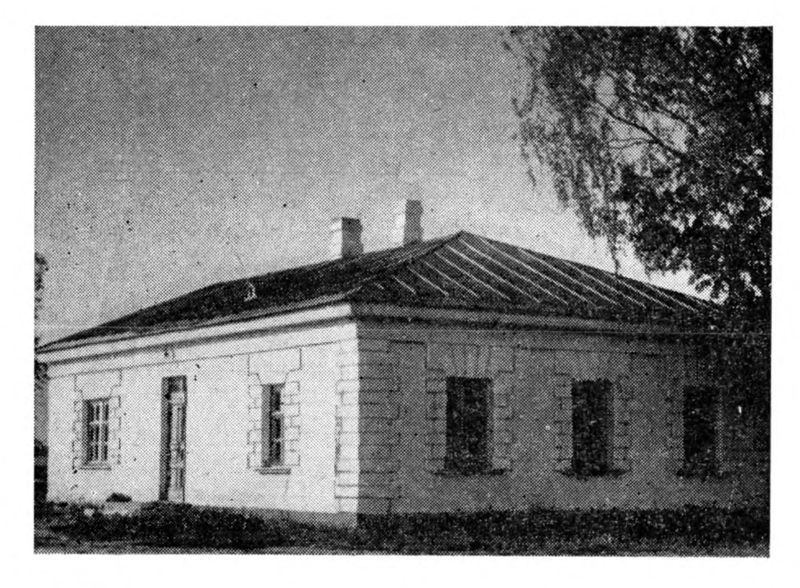
За чаем расскажет смотритель Пушкину грустную историю. Голос старика глуховат, движения его неторопливы. Иногда он нагибается, чтобы подбросить в печь дров. Потрескивают сухие поленья.

...Так могло быть. Предание издавна связало существующий и поныне почтовый домик в Выре с повестью «Станционный смотритель». Предания возникают, как правило, не случайно и не на пустом месте. Поэтому поверим ему. Да и не мог не останавливаться Пушкин на последней перед Петербургом почтовой станции, когда возвращался в столицу из Михайловского, Пскова, из вольных и невольных поездок на юг.

Домик в Выре был построен, по всей вероятности, в конце XVIII века. Почтовых станций в то время было немного. Получить на станции лошадей мог только обладатель подорожной, заплативший прогонные день-

---

[1] А. С. Пушкин, т. X, стр. 427.

Дом станционного смотрителя в Выре.

ги. В подорожной значился маршрут, должность, фамилия ехавшего, каких и сколько ему требуется лошадей. Митрополиты, сенаторы и генералы могли получать двадцать лошадей, а люди простого звания — не более трех. Высочайшие особы забирали даже курьерские тройки — высочайшие особы не ждали ни минуты. Станционный смотритель вынужден был удовлетворять их требование, иначе его могли выгнать со службы. Получал смотритель всего 11 копеек в сутки и обязан был, согласно уставу, «во время дня и ночи блюсти за порядком станции».

Необходимость уступать лошадей какому-нибудь спесивому чинуше всегда возмущала Пушкина. «Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде»[1].

---

[1] А. С. Пушкин, т. VI, стр. 131.

Путешествуя в 1829 году в Арзрум, Пушкин столкнулся с подобной несправедливостью за обедом у генерала Стрекалова в Тифлисе.

«Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный»[1].

...Был ли на самом деле смотритель по фамилии Вырин, сказать трудно. Видимо, в самой Выре фамилия эта встречалась не так уж редко. Известны же села, когда чуть ли не половина крестьян носит одну фамилию. Возможно, Пушкин дал вымышленное имя своему герою в память Выры, где он не раз останавливался.

Домик в Выре пережил не одного смотрителя. Конечно, время и его сильно состарило. Покосились стены, кровля пришла в негодность. Но руками ленинградских реставраторов дом почтовой станции полностью восстановлен. Реставрационные мастерские создали точные копии старых рам, дверей, рустованных стен. Пионеры выринской школы на воскресниках помогли строителям: они очищали территорию от мусора, камней, копали землю для нового фундамента, расчищали сохранившуюся с пушкинских времен булыжную мостовую. И теперь домик станционного смотрителя сияет белизной оштукатуренных кирпичных стен. Скромный, тихий фасад его не украшен мемориальной доской.

Но если б дом мог рассказать о своем прошлом, он поведал бы нам многое. Это был бы рассказ не только о том, как великий поэт находил под кровлей дома пристанище и отдых в пути. Это была бы волнующая, трагическая история о событиях 29 мая 1919 года.

...В мае 1919 года в Выре расположился на отдых 3-й полк Петроградской отдельной бригады. Комиссаром бригады был большевик Александр Раков. Полк был недостаточно подготовлен к боям, в нем было всего девять коммунистов. Но штаб, где в то время преобладали меньшевики, приказал направить полк на фронт против Юденича. 1-й и 2-й батальоны 29 мая вы-

---

[1] А. С. Пушкин, т. VI, стр. 664.

ступили из деревни, остался лишь 3-й батальон. И тогда враги революции подняли мятеж и начали расправу над коммунистами.

После того как предатели захватили комиссара полка Купше, его соратников Сергеева и Дорофеева, они окружили дом станционного смотрителя, в котором находился Александр Раков.

На предложение сдаться комиссар ответил пулеметным огнем. Но вот кончилась последняя лента, и Александр стал отстреливаться из револьвера. Когда враги ворвались в дом через окна, у комиссара оставалось еще несколько пуль. Последнюю он сохранил для себя...

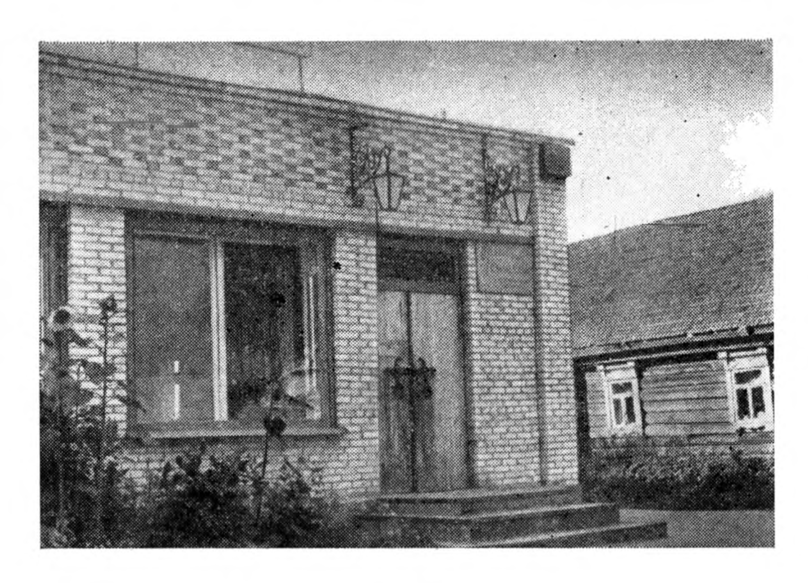
На Марсовом поле, у Стены петроградских коммунистов, близко к Вечному огню покоится прах Ракова, Таврина, Купше, Сергеева, Дорофеева, Калинина, Пекаря и других командиров, красноармейцев, погибших в Выре.

Дом станционного смотрителя — это северный корпус бывшей почтовой станции. Еще предстоят работы по восстановлению всего облика станции — и ее южного, соседнего с почтовым домиком корпуса, и конюшни с колясочной, и пожарной каланчи.

Дом станционного смотрителя готовится принять посетителей. Откроются его двери, и мы увидим в комнате с отдельным входом, где жил смотритель с семьей, обстановку того времени: «смиренную, но опрятную обитель», где, возможно, были и картинки, изображающие возвращение блудного сына, и горшки с бальзамином, и кровать с пестрой занавеской. А в комнате для приезжих разместится экспозиция, посвященная теме: «Пушкин в путешествиях по России».

А теперь, чтобы отдохнуть и подкрепиться, направимся в трактир. По той же стороне асфальтированного шоссе, недалеко от почтового домика, находится трактир «У Самсона Вырина». Над входом два старинных фонаря. Двери с металлическими накладками и подковами вместо ручек. Славянская вязь букв. На доске надпись: «Добро пожаловать к нам на хлеб и соль». Внутри длинные деревянные столы и скамьи. На стене — панно, на нем — стилизованные кибитка и пролетка. На другой картине «птица-тройка» вихрем мчит кибитку, ямщик с огненно-рыжей бородой сидит на козлах.

Но нам пора в обратный путь. Опять в Петербург.

Трактир «У Самсона Вырина».

...Асфальтовое шоссе убегает под колеса автобуса. Остаются позади поилка для лошадей, трактир «У Самсона Вырина», светлый, аккуратный домик станционного смотрителя.

Последняя станция, последняя остановка на пути в северную столицу. Еще шестьдесят верст по грунтовой, размытой дождями дороге, и Пушкин будет дома. Весело и нетерпеливо позвякивает колокольчик. Ямщик в армяке, подпоясанном пестрым кушаком, проверяет подпругу, потом поудобнее усаживается на козлах. Сытые кони тотчас же трогают коляску. Легко и свободно мчит тройка.

ДЕМУТОВ ТРАКТИР

Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире. Смотритель решился к нему явиться.

(«Станционный смотритель»)

Самсон Вырин особенно остро почувствовал себя одиноким и старым, когда из тихой, провинциальной Выры прибыл в Петербург. Остановился смотритель

у приятеля, отставного унтера, проживающего в районе Измайловского проспекта. Там находились казармы Измайловского полка. Отыскать Демутов трактир было нетрудно, его хорошо знали многие петербуржцы.

...Ничем не примечательное внешне, старое темно-коричневое здание, тесно примыкающее к остальным домам. На табличке значится: «Набережная Мойки 40».

В начале прошлого столетия в этом доме была одна из лучших гостиниц Петербурга. Называли ее Демутов трактир. Пользовался этот трактир огромной популярностью. У Демута сдавались номера на любые вкусы и достатки: и маленькие, полутемные с окнами во двор, и дорогие, роскошные апартаменты. Часто можно было услышать, как какой-нибудь приезжий называл кучеру адрес: «Мойка, дом Тиран у Зеленого моста». Владелица дома майорша Тиран вела дела свои успешно и, так же, как и основатель гостиницы в 60-х годах XVIII в. некий Демут, богатела.

Если бы на фасаде этого дома начертать имена всех тех, кто здесь жил или бывал, дом, словно старый и заслуженный генерал, покрылся бы пышными регалиями.

Здесь жили Пушкин, Грибоедов, государственный деятель Сперанский, генерал Ермолов, Пестель, Чаадаев, Мицкевич, Батюшков, бывали не раз Крылов, Жуковский, Вяземский, Плетнев, одним словом — весь литературный передовой Петербург.

...Впервые порог гостиницы Демута Пушкин переступил двенадцатилетним мальчиком, когда его привез в Петербург дядя Василий Львович

На тройке, принесенной
Из родины смиренной
В великий град Петра...

И позже, с 1827 по 1831 год, Пушкин частенько останавливался в модной гостинице. В июне 1824 года в гостинице Демута появился «человек благородной наружности, среднего роста, в черном фраке, с очками на глазах». Так писал о Грибоедове современник. Позади были годы, проведенные в Персии. Грибоедов служил на Кавказе и свой отпуск решил провести сначала в Москве, а затем в Петербурге. Несколько лет он работает над комедией «Горе от ума». В его чемодане лежат че-

тыре тетради рукописи. А в Петербурге уже поговаривают об удивительно острой и смелой комедии. У Грибоедова целый день друзья и знакомые, многие просят прочитать рукопись. Среди первых восторженных слушателей Крылов, Хмельницкий, Шаховской. В гостинице Грибоедов живет недолго, он вынужден переехать в другое место из-за навязчивого почитателя его таланта богача-откупщика Чебышева.

Спустя четыре года, после триумфального мирного договора с Персией, Грибоедов снова остановится у Демута. И газета «Северная пчела» от 15 марта 1828 года будет восторженно писать: «Вчерашний день, 14 сего месяца, прибыл сюда коллежский советник А. С. Грибоедов с мирным трактатом, заключенным с Персией 10 февраля в Туркманчае. Немедленно за сим 201 пушечный выстрел с крепости возвестил столице о сем благополучном событии, — плоде достославных воинских подвигов и дипломатических переговоров, равно обильных блестящими последствиями».

На другой день Грибоедов принят во дворце Николаем I. В конце высочайшей аудиенции выдающийся дипломат и писатель обратился к царю с просьбой смягчить участь ссыльных декабристов, но жизнь декабристов на каторге в Сибири не стала после этого лучше.

На этот раз Грибоедову с соседом повезло куда больше, чем в прошлый приезд. У Демута в это время жил Пушкин. Знакомство их произошло еще в 1817 году, когда оба они служили в Коллегии иностранных дел (набережная Красного флота, 32).

Подолгу беседуют друзья в скромном 33-м номере Пушкина, состоявшем из двух маленьких комнат с окнами во двор (после перестройки дома в 1832 году комнаты эти не сохранились).

В этом же номере у Демута в октябре 1828 года Пушкин пишет поэму «Полтава». Это была плодотворная осенняя пора, предшественница болдинской. Дождливая, холодная осень подгоняла воображение поэта, заставляла забывать обо всем, кроме работы. «Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой,

чтоб записать то, что набралось у него набегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки... Он кончил «Полтаву», помнится, в три недели»[1]. Это рассказ М. В. Юзефовича — современника поэта.

С трактиром Демута связаны сравнительно безоблачные дни холостой жизни Пушкина. Встречи с друзьями за бокалом вина или рюмкой жженки сопровождаются часто чтением стихов.

30 апреля 1828 года Пушкин устраивает дружескую вечеринку в честь Адама Мицкевича. Приглашены по этому случаю Крылов, душа всех литературных собраний Жуковский, Плетнев, Вяземский. Последний вспоминал, как провели они вечер и ночь у Пушкина и взволнованный Мицкевич импровизировал по-французски.

Еще одна встреча должна была состояться у Демута. Представьте себе молодого Гоголя, который впервые приезжает в Петербург и жаждет встречи с любимым поэтом. Вот долгожданный миг, когда он направляется вдоль Мойки к Полицейскому мосту (бывший Зеленый мост) сюда, к старой гостинице Демута. Чем ближе квартира поэта, тем более овладевает Гоголем проклятая робость. У самых дверей она развивается до того, что он убегает. Однако не насовсем. В кондитерской он требует ликера! Подкрепленный, возвращается: «Смелей! На приступ!» Решительно звонит. В дверях — слуга. «Дома ли хозяин?» — «Почивают...»

Познакомились они позже — года через два...[2]

Многое повидал на своем веку старый Демутов трактир. Жаль, что он не стал свидетелем встречи двух великих писателей.

В каком номере знаменитой гостиницы останавливался ротмистр Минский, нам, конечно, неизвестно, а вот то, что ротмистр Александр Александров проживал на четвертом этаже, под самой крышей некогда четырехэтажного дома на набережной Мойки, 40, установлено точно. Правда, нам могут возразить, что, как и ротмистра Минского не существовало в действительности, так не было и штаб-ротмистра Александрова.

---

[1] «Пушкин в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1958, стр. 395.

[2] Об этом эпизоде из жизни Гоголя см.: П. В. Анненков. Материалы к биографии А. С. Пушкина, изд. 2, 1873, стр. 360.

Отчасти верно. Ведь официальное, «высочайше утвержденное» имя Александр Андреевич Александров принадлежало «кавалерист-девице» Надежде Дуровой. Георгиевский кавалер, штаб-ротмистр в отставке Александров прибыл в Петербург из Елабуги с рукописью «Записки амазонки». Прославленная героиня 1812 года, Надежда Дурова избрала издателем своих записок А. Пушкина.

Здесь, у Демута, произошло это деловое свидание. Взволнованная Надежда Дурова позже спрашивала издателя «Современника», понравились ли ему ее «Записки амазонки». Поэт горячо поддержал первый труд литератора, посоветовав, однако, заменить название «Записки амазонки» на «Записки Дуровой», которое звучало бы не так изысканно и манерно.

Построенное в 1770 году, здание гостиницы Демута считается одним из старейших в Петербурге. Столетие спустя архитектор Парланд надстроил верхний, пятый этаж. Конечно, внутренняя планировка дома и частично фасад сильно отличаются от того знаменитого Демутова трактира, известного и Пушкину и Грибоедову. Но ощущение, что здесь, на этом месте, состоялись встречи тех, кто составлял гордость русской литературы, не может не вызывать волнения.

Многие ли дома имеют столь богатое прошлое, как дом № 40 по набережной Мойки? Многие ли могут гордиться таким созвездием знаменитостей? Не украшенный мемориальными досками, внешне ничем не примечательный дом на набережной Мойки, 40 давно заслужил право на почет и внимание.

ПО СЛЕДАМ МЕДНОГО ВСАДНИКА

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине.
(«Медный всадник»)

Так уже бывало не однажды.

Северо-западный ветер бьет с размаху в лицо. Свинцовые тучи низко нависают над Ленинградом. Хмурая Нева вновь мечется, «как больной в своей постеле беспокойной». Становятся необычайно низкими невские мосты, словно кто-то взял да и укоротил их опоры. До воды как будто рукой подать. Торопятся машины, расплескивая на ходу лужи.

Бедствия нет. Город не застигнут врасплох. Ленинградцы заранее оповещены по радио о надвигающемся наводнении. Из подвалов и полуподвалов уже выгружены продовольствие и ценное оборудование. Работают специальные команды и служба наблюдения за уровнем воды.

Спасать в общем-то никого не приходится, если не считать тех, кто застрял в это время в пути, дожидаясь троллейбуса или автобуса. Но вот вода постепенно спадает, оставляя после себя мокрые мостовые.

...Каждый раз, когда Нева выходит из берегов, мы вспоминаем далекое и самое страшное наводнение 1824 года. И Медного всадника.

Он давно стал символом, эмблемой города на Неве. Кажется, были всегда у Исаакиевского собора на берегу Невы гранитный гребень скалы, летящий навстречу северо-западному ветру Всадник на вздыбленном коне и попираемый им змий — олицетворение зависти и злобы. Его не сломили враги России, не захлестнули воды Невы. Он выстоял. И в блокаду Медный всадник оставался на своем посту. Ленинградцы бережно укрыли его мешками с песком и обшили деревянным каркасом.

Все здесь — движение и символика, все не похоже на традиционные тяжеловесные конные статуи.

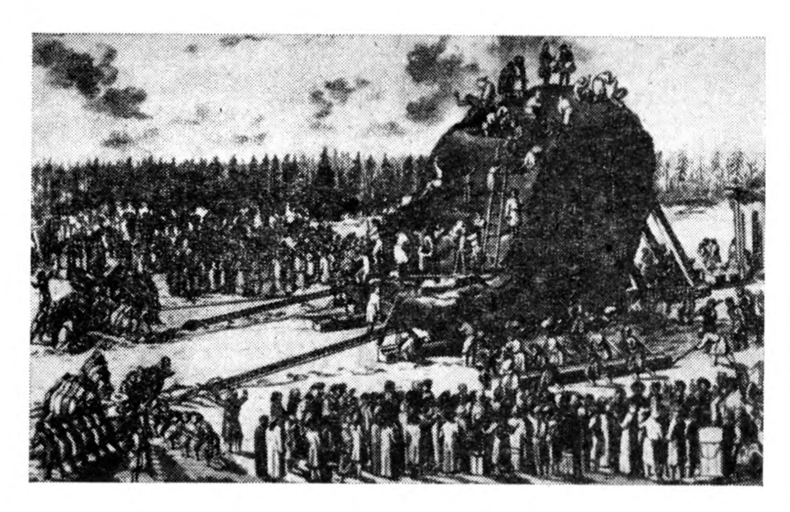
Медный всадник вызвал недоумение Екатерины II и придворных. Гениальный французский скульптор Фальконе вынужден был раньше времени покинуть Россию и на торжественном открытии памятника 7 августа 1782 года не присутствовал.

Открытие было намечено к столетию с дня рождения Петра I, но из-за необычайной трудности изготовления статуи состоялось только спустя десять лет.

Не только имена Этьена Мориса Фальконе и Марии Колло связаны с созданием памятника Петру I. Если б не трудовые руки русских крестьян и мастеровых, не их смекалка и выдумка, не бывать бы чуду на Сенатской площади.

Крестьянин Семен Вешняков предложил использовать для постамента скалу Гром-камень из района Лахты. На эту скалу, по преданию, любил подниматься Петр I и с высоты будущего пьедестала Медного всадника осматривать окрестность:

Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.

Перевозка «Гром-камня». Гравюра.

Русский кузнец, имя которого не сохранила история, придумал простой и одновременно хитроумный способ транспортировки скалы, вес которой — несколько десятков тысяч пудов.

На шарах и желобчатых рельсах, с помощью огромных во̀ротов и канатов перемещали Гром-камень к заливу. Четыреста каменотесов обрабатывали этот камень.

«Дерзновению подобно. 20 генваря 1770» — такие слова были выбиты на медали, специально выпущенной в честь окончания работ.

Когда же началась отливка Всадника, произошло непредвиденное. В оболочке образовалась трещина, и огненная жидкость хлынула на деревянные мостки сарая. Литейный мастер Михайло Хайлов мужественно бросился заделывать трещину и гасить начавшийся пожар. Михайло получил сильные ожоги, но спас отливку Фальконе.

Так рождался Медный всадник — памятник Петру I.

Второе его рождение произошло спустя полвека — в чеканных строках петербургской повести «Медный всадник». Казалось, с этого момента и зрительный и звуковой образы Медного всадника слились воедино.

«Кумир на бронзовом коне» оставил след в творчестве и других поэтов.

Валерий Брюсов писал:

Ты так же стоял здесь, обрызган и в пене,
Над темной равниной взмутившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумием, яростью полн...
...Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирал с беспощадностью звенья
Бессильно под ним изогнутой змеи.

А вот строки А. Ахматовой:

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

...Откроем поэму Пушкина «Медный всадник». Но прежде чем перечитать ее, прислушаемся к словам предисловия: «Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине».

Поэма Пушкина, или, как автор назвал ее, «петербургская повесть», рассказывает о реальных событиях 7 ноября 1824 года, о самом страшном петербургском наводнении.

Вода поднялась на 3,95 метра выше ординара. Она поглотила и разрушила тысячи домов, смыла многие мосты, разметала постройки. Наводнение принесло гибель и несчастье. Особенно сильно пострадали низкие Васильевский и Каменный острова. К пустынному Вольному острову прибивало обломки деревянных домов, похожих на домик Параши.

А. С. Грибоедов, очевидец этого наводнения, вспоминал: «Невский проспект превращен был в бурный пролив; все запасы в подвалах погибли; набережные различных каналов исчезли, и все каналы соединились в один. Столетние деревья в Летнем саду лежали грядами, исторгнутые, вверх корнями»[1].

Другой современник, декабрист А. Е. Розен, писал: «Взору представилась картина необыкновенная: избы крестьян, дачи, дворец Каменноостровский с левой сто-

[1] Цит. по кн.: «Пушкинский Петербург», Лен. газ.-журн. изд-во, 1949, стр. 238.

роны, дворец Елагинский с правой стороны, деревья, фонарные столбы — все в воде средь бунтующих волн»[1].

В этот день можно было увидеть, как некий Яковлев, спасаясь от воды, залез на сторожевого льва у дома князя Лобанова-Ростовского и просидел на нем до тех пор, пока вода не спала, а из окон домов на Большой Морской улице петербуржцы с удивлением следили за генерал-губернатором, графом Милорадовичем, плывущим по этой улице в лодке.

Во время наводнения Пушкин был в Михайловском. Встревоженный, он писал брату: «Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу без всякого шума, ни словесного, ни письменного»[2].

Пройдет еще девять лет, и Пушкин расскажет о наводнении и о мелком чиновнике Евгении.

В первоначальном варианте «Медного всадника» можно прочесть строки:

Со сна идет к окну сенатор
И видит в лодке на Морской
Плывет военный губернатор.

А на сторожевом льве дома князя Лобанова-Ростовского вслед за Яковлевым оказался пушкинский Евгений:

На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений.

Путь Евгения от этого дома по Адмиралтейскому проспекту, 12 до Гавани, где находился «ветхий домик» Параши, мы сможем проследить по карте Петербурга и повторить его по сегодняшнему Ленинграду.

Селение мастеровых и матросов петровских галер находилось в Гавани, на выходе Большого проспекта к заливу. У Медного всадника Неву пересекал Исаакиевский мост.

Пушкин не рисует маршрут своего героя. Но если

---

[1] Цит. по кн.: «Пушкинский Петербург», Лен. газ.-журн. изд-во, 1949, стр. 238.

[2] А. С. Пушкин, т. X, стр. 113—114.

Дом со львами. Адмиралтейский проспект, 12.

внимательно проследить за пушкинской строкой, можно узнать этот маршрут.

Как только вода спала, Евгений поспешил к ближайшему Исаакиевскому мосту, чтобы попасть на правый берег Невы. Но мост так пострадал от наводнения, что воспользоваться им было невозможно.

Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит, как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшные везет.

Нева еще не успокоилась, и за столь небольшое вознаграждение лодочник, видимо, мог только переправить Евгения на противоположный берег. Набережная Васильевского острова еще была в воде. Поэтому пушкинский герой «знакомой улицей бежит».

Ближайший путь к домику Параши вел по Кадетской или Съездовской линии и далее по Большому проспекту.

Северо-западная оконечность Васильевского острова привлекла внимание Пушкина еще до того, как он создал «Медного всадника». Одному своему приятелю Пушкин рассказывал о прогулках по низкому побережью Васильевского острова, об одиноком ветхом домике, в котором жила вдова с дочерью. Этот «уединенный домик на Васильевском» был отделен от моря земляным валом, который служил малонадежной защитой от вод Финского залива.

На карте пушкинского Петербурга можно, таким образом, прочертить путь Евгения от великолепного дворца царского вельможи до места, где была деревянная лачужка.

Во всех произведениях Пушкина, где показан Петербург, есть эти контрасты столичного города: «город пышный — город бедный, дух неволи — стройный вид».

Заметным домом в этом «городе пышном» был дом князя Лобанова-Ростовского.

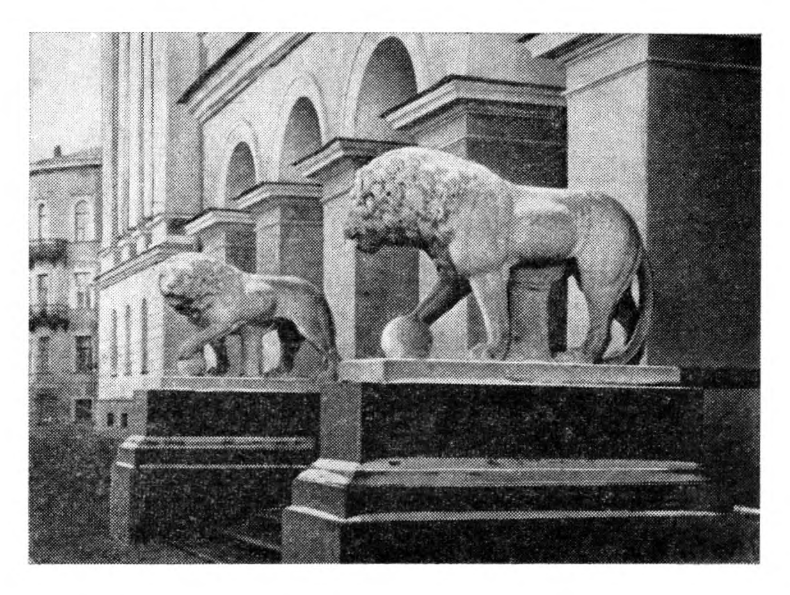
Необычайна сама форма этого дома — он треугольный. Стоит на скрещении улицы Майорова и Адмиралтейского проспекта у Исаакиевской площади (после открытия памятника Петру I площадь эта некоторое время называлась Петровской).

Построен дом был по проекту Монферрана в 1817—1820 годах для вельможи Александра I князя Лобанова-Ростовского, богатейшего человека того времени.

Во многих апартаментах дома были различные коллекции, редкие книги. Вестибюль здания и главная лестница с барельефами и лепными панно — образцы лучших работ Монферрана.

Сюда, к восьмиколонному портику парадного входа, подкатывали кареты с именитыми гостями. Кареты поднимались к самому входу по отлогому подъему. Их встречали княжеские лакеи и мраморные львы, лениво раскатывающие шары. Но так продолжалось недолго. Лобанов-Ростовский решил продать свой дом. Возможно, им руководило желание еще более приумножить свои богатства. Он объявил, что дом его разыгрывается в лотерее.

Из миллиона лотерейных билетов, каждый стоимостью в рубль, один билет был выигрышным. Возможность выиграть великолепный дом в центре Санкт-Петербурга вызвала ажиотаж среди населения столи-

«С подъятой лапой, как живые...»

цы. Но Николай I запретил князю заниматься коммерческой аферой и повелел продать дом в казну.

Продажа эта принесла князю еще бо́льшую выгоду, чем могла бы дать лотерея. За уникальную библиотеку Николай I сверх того назначил князю пожизненную пенсию.

В доме со львами (их изваял итальянский скульптор Трискорни) разместилось военное министерство России. В советское время в здании находился Аэромузей Осоавиахима, позже — средняя школа, а затем проектный институт.

Здание это охраняется государством. И конечно, оно дорого нам как своеобразный литературный памятник.

...На месте селения мастеровых и матросов в Гавани сейчас Морской порт и стеклянные выставочные павильоны. Со дна Финского залива намыты миллионы кубометров грунта, и вся северо-западная оконечность Васильевского острова шагнула на десятки метров в море. Здесь будут новые морские ворота Ленинграда.

Прибывающим в Ленинград кораблям откроется величественная панорама морского фасада города:

выстроенные, словно по ранжиру, дома — от пятиэтажных до тридцатиэтажных, широкая шоссейная дорога вдоль всего побережья.

Но в этом новом строительстве, будто след Медного всадника, остаются низенькие башенки-кроншпицы. Они по-прежнему, как и в пушкинское время, обрамляют вход в узкую Галерную гавань.

Придет время, и будет осуществлен проект защиты Ленинграда от наводнений, когда дамбы с шлюзами закроют город на Неве от беспокойных вод Финского залива. И тогда с новой силой прозвучат пророческие слова великого Пушкина:

Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

«ДОМ ПИКОВОЙ ДАМЫ»

...Очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры...
— Чей это дом? — спросил он у углового будочника.
*— Графини***,— ответил будочник.*

(«Пиковая дама»)

На углу улиц Гоголя и Дзержинского стоит трехэтажный дом. Над входом, где прикреплена темная доска с надписью «Поликлиника», низко нависающий балкон.

Фронтон дома когда-то был украшен гербом. Сейчас осталась только часть его лепки. В остальном дом этот как будто ничем не примечателен. И архитектура его не очень броская, и строил его какой-то неизвестный зодчий.

Отчего же называют его иногда «дом пиковой дамы»?

В 30-х годах прошлого столетия дом принадлежал княгине Наталье Петровне Голицыной (1741—1837 гг.), статс-даме, фрейлине Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Это была могущественная старуха, властительная и взбалмошная. Видимо, черты эти Голицына унасле-

Княгиня Н. П. Голицына в молодости. Портрет работы Рослина.

Княгиня Н. П. Голицына в старости. Портрет работы Митуара.

довала от своего деда, начальника тайной канцелярии Ушакова, известного в свое время истязателя. Отец ее — Петр Чернышев, по некоторым сведениям, был сыном Петра I. Ум и ловкость княгини обеспечили ей исключительное положение в свете. На ее обедах бывали члены царской семьи. И тогда обеденный стол сервировался серебром, подаренным Петром I одному из Голицыных.

В дом на углу Малой Морской и Гороховой ездили представляться, как к высокому начальству, все — начиная от юнкера и кончая посланником.

Старая Голицына выходила из внутренних покоев, поддерживаемая приживалкой, и следовала в высокий и просторный зал. Ее усаживали в кресло. Гости по очереди допускались к руке. Даже домашние боялись крутого нрава хозяйки дома.

Муж был под башмаком, исполнял роль дворецкого, а сын, московский генерал-губернатор, не смел сесть без разрешения строгой матери.

К ней везли на поклон молоденькую девушку, впер-

вые появившуюся в свете, а гвардейский офицер в новеньких эполетах спешил к ней, как к главнокомандующему. Василий Львович Пушкин, дядя великого поэта, льстиво восклицал, обращаясь к княгине Голицыной:

Повелевай ты нашими судьбами —
Мы все твои, тобою мы живем.

В молодости княгиня блистала на балах в Париже при дворе Людовиков XV и XVI. К старости стала весьма непривлекательной (в обществе княгиню за глаза называли: «княгиня усатая»). Но по-прежнему Наталья Петровна любила появляться на балах.

В последние годы жизни известия о болезни и смерти близких воспринимала она с удивительным равнодушием. Может быть, причиной тому был плохой слух, а может быть, природная черствость. «И в ус не дует», — каламбурил Вяземский.

Пушкин хорошо знал старую княгиню. От ее внука, с которым был одно время знаком, услышал он удивительную историю о трех картах. (Эту историю Пушкин потом рассказывал своему московскому другу Нащокину.) Внук княгини однажды проигрался в карты и попросил денег у своей богатой бабки. Однако скупая княгиня вместо денег дала молодому картежнику совет, как отыграться: назвала ему три карты. Внук шутя поставил на эти три карты и неожиданно для себя с лихвой вернул проигрыш.

А позже появились строки повести: «Бабушка, которая всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то сжалилась над Чаплицким. Она дала ему три карты с тем, чтобы он поставил их одну за другой, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть».

Видимо, поэт впервые увидел Голицыну еще в детские свои годы в ее имении под Москвой Большие Вяземы. Неподалеку от этой вотчины находилось имение М. А. Ганнибал, бабушки Пушкина. По праздникам семейство Пушкиных отправлялось в соседние Вяземы к обедне.

И конечно, Пушкину прекрасно был известен образ жизни старой княгини в Петербурге, ее характер, привычки. Их он и запечатлел в своей повести «Пиковая дама». Пушкин не скрывал этого. Он записал в своем дневнике: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Иг-

роки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной и, кажется, не сердятся»[1].

В черновой рукописи Пушкин даже несколько раз по ошибке называл графиню княгиней.

Конечно, Пушкин не собирался в повести давать фотографически подлинный портрет Голицыной. Ему важно было нарисовать образ великосветской старухи — такой, например, какой была его тетка фрейлина Загряжская. Но черты Голицыной оказались более выпуклыми, и Пушкину, по собственному его признанию, легче было запечатлеть Голицыну.

«Графиня, конечно, не имела злой души; но была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм... Она участвовала во всех суетностях большого света, таскалась на балы, где сидела в углу, разрумяненная и одетая по старинной моде, как уродливое и необходимое украшение большой залы».

В отличие от пушкинской графини, княгиня Голицына не была в молодости красавицей. Об этом говорят портреты французских художников. Предполагают, что и русский художник Рокотов создал портрет Голицыной.

«Пиковая дама» скончалась в возрасте 97 лет в декабре 1837 года, пережив почти на год обессмертившего ее Пушкина.

Дом на Малой Морской приобрела казна. В нем поселился военный министр А. И. Чернышев.

Сатрап Николая I, генерал-адъютант Чернышев, будучи членом Государственного совета, в июне 1828 года повлиял на решение об установлении секретного надзора за Пушкиным. Особое расположение царя снискал Чернышев после событий 14 декабря 1825 года. Назначенный членом Чрезвычайной следственной комиссии, он проявил особое усердие и жестокость, допрашивая декабристов.

В 1852 году в день двадцатипятилетнего юбилея Чернышева на посту военного министра царь подарил своему любимцу особняк Голицыной в вечное и потомственное владение. Зловещая тень одного из па-

---

[1] А. С. Пушкин, т. VIII, стр. 43 (Дневники. Запись от 7 апреля 1834 г.).

лачей Пушкина и декабристов легла на «дом пиковой дамы».

При Чернышеве дом был несколько перестроен: фасад его украсился декоративными наличниками, гербом с пышным орнаментом, полуциркульным рисунком окон.

Министру финансов было дано распоряжение выплачивать из суммы казначейства 15 000 рублей ежегодно на содержание дома.

Существовали, однако, предания, говорившие о другом адресе «дома пиковой дамы»:

На Литейном прямо, прямо
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая дама,
По преданию, жила...

Но подобные версии ни на чем не основаны. Ни Голицына, ни Загряжская не жили в доме на углу Литейного проспекта. Некоторые исследователи[1] связывают «дом пиковой дамы» с домом Салтыкова (бывшее Австрийское посольство, Дворцовая набережная, 4; сегодня здесь Институт культуры). Полагают, что мысль провести своего Германна по потайной лестнице возникла у Пушкина после посещения им дома австрийского посланника, где была когда-то потайная лестница.

Но есть еще одно доказательство, что в повести показан именно дом на углу улиц Гоголя и Дзержинского. Но для этого давайте войдем в дом № 10 по улице Гоголя. Путеводителем нам будет повесть Пушкина.

Просторный вестибюль. Широкая мраморная лестница ведет к высокому, полуциркульному зеркалу с часами над камином. Итак, мы в бывшем владении пиковой дамы.

Остановимся на лестничной площадке перед камином. На круглых часах с полустершимися римскими цифрами сможем прочесть название фирмы: «Leroy Paris». Откроем томик Пушкина на том месте, где автор «Пиковой дамы» описывает посещение дома графини Германном: «По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Leroy».

Как видим, часы этой же французской фирмы уже

---

[1] См.: Н. Раевский. Особняк на Дворцовой набережной. «Простор», 1971, № 12, стр. 88.

«Дом «Пиковой дамы». Улица Гоголя, 10.

встречались Германну. А вот записка Лизы, в которой она рассказывает Германну, как пройти по дому графини:

«Ступайте прямо на лестницу... Из передней ступайте налево, идите все прямо до графининой спальни. В спальне за ширмами увидите две маленькие двери: справа — в кабинет, куда графиня никогда не входит; слева — в коридор, и тут же узенькая витая лестница: она ведет в мою комнату».

И мы, следуя за Германном, поднимемся на второй этаж. Из передней повернем налево (не входя в широкий зал, где сегодня в ожидании приема сидят посетители поликлиники). Пройдем узким коридором и, сделав несколько шагов по винтовой лестнице, попадем в угловую комнату второго этажа.

Два окна этой комнаты (сейчас здесь красный уголок) выходят на улицу Дзержинского, три окна — на улицу Гоголя. Слева от нас камин из белоснежного мрамора с барельефом весталок. И глубокий альков во внутренней стене. Такие альковы и камины нахо-

дились в спальнях старинных особняков XVIII века. Справа и слева от алькова две маленькие двери. Третья высокая двустворчатая дверь с лепным орнаментом закрыта. Она соединяла эту комнату с остальными, расположенными вдоль наружной стены, выходящей на улицу Гоголя.

На старых, пожелтевших от времени чертежах видны эта спальня, и все три ее двери, и альков, и винтовая лестница. Действительно, анфилада соединяла спальню с приемным залом. И хотя дом Голицыной перестраивался, планировка этой угловой комнаты почти не изменилась.

Сравним теперь все то, что мы увидели, с запиской Лизы Германну. Удивительное сходство: и альков, и две маленькие двери (та, что правее алькова, действительно ведет в небольшую комнатку, которая могла служить кабинетом), и витая, т. е. винтовая, лестница. Наконец, именно под маленькой комнаткой правее алькова находится в первом этаже наружная дверь на улицу Дзержинского. Она могла быть связана потайной лесенкой со спальней. Помните, ею воспользовался Германн, покидая дом графини?

Все говорит о том, что перед нами та знаменитая спальня графини, в которую по воле Пушкина попадает его герой.

Пушкин, видимо, не раз бывал в доме княгини. В этом нет ничего странного. Ведь дом Голицыной был известен чуть ли не всему Петербургу. За два года до выхода в свет «Пиковой дамы» Пушкин жил совсем близко от этого дома — на углу Большой Морской и Гороховой (ныне улиц Герцена и Дзержинского). Он часто проходил по Гороховой мимо знаменитого трехэтажного дома.

Если черты старой княгини, нравы молодых картежников, их типы (в образе Чекалинского Пушкин изобразил, видимо, московского игрока Огонь-Догановского, которому сам одно время был должен большую сумму денег) Пушкин почерпнул из жизни, то, возможно, он сделал и набросок реального дома.

Необыкновенно причудливо переплетены в повести Пушкина реальное и вымысел.

...Во время войны в «доме пиковой дамы» размещался госпиталь. В его угловой комнате на втором этаже жили врачи и сестры. Неуютно тогда было в бывшей кня-

жеской опочивальне. Центральное отопление не работало. В комнате стояла железная печь-буржуйка, и труба от нее была выведена в камин. Самое же теплое место было в алькове. Поэтому, если кто-нибудь из медицинского персонала чувствовал себя плохо, его кровать обычно ставили в этот альков. Сотни больных и раненых спасли врачи и сестры, жившие в бывшей спальне княгини Голицыной.

...Мокрый снег падает хлопьями на мостовую. Раскачиваются под ветром уличные фонари. По улице Гоголя проносятся легковые машины. Снег искрится на свету, заглушает шаги прохожих. К вечеру гаснут огни в доме с низким балконом. Дом становится угрюмым и немного таинственным. Словно он прислушивается к ветру и падающему снегу.

Вот в такую же погоду стоял перед домом в одном сюртуке Германн, человек «с профилем Наполеона и душой Мефистофеля». Он нетерпеливо ждал условленного часа.

Кажется, сейчас к дому подкатит карета и слуги вынесут из подъезда старую, немощную графиню. И Германн шагнет на крыльцо. Стрелки круглых каминных часов вздрогнут на половине двенадцатого и начнут отсчитывать время действия пушкинской повести.

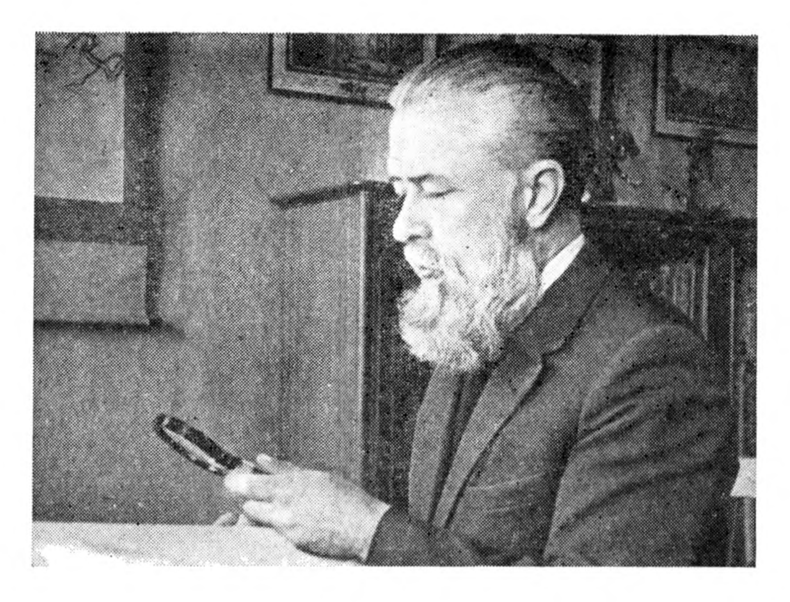
В тихих залах дома прошелестят осторожные шаги, потом разыграется драма в угловой комнате второго этажа. Но дом спит. Напротив него горят окна высокого здания. На нем мемориальная доска. В этом здании прошли последние годы жизни Петра Ильича Чайковского.

Удивительный перекресток! На нем встретились однажды великая музыка и великая литература.

ХРАНИТЕЛЬ ПУШКИНСКОГО ПЕТЕРБУРГА

Мы только что совершили несколько литературных экскурсий по пушкинскому Петербургу. Побывали в доме пиковой дамы на Малой Морской, у подъезда особняка князя Лобанова-Ростовского на Адмиралтейском проспекте, на месте, где должен был находиться домик в Коломне.

Представить себе все эти места, маршруты лучше всего зрительно, с помощью карты Петербурга.

Н. Н. Фокин.

Имея в руках карту или схему, удобнее двинуться в путь по набережным, улицам, площадям и переулкам сегодняшнего Ленинграда; удобнее сопоставить старые и новые названия проспектов, переулков, убедиться, насколько изменился город на Неве с пушкинских времен.

Где же найти такую карту?

Тихая 11-я линия Васильевского острова, дом № 10. Здесь живет человек, которого можно по праву назвать хранителем пушкинского Петербурга.

География, картография, топография, литературоведение... Всеми этими специальностями в совершенстве владеет Николай Никитич Фокин. На стенах его светлой, просторной комнаты самая первая карта Петербурга (1717 год), гравюры с видами старого города. В шкафах, на полках, плотно прижавшись друг к другу, стоят книги по картографии, геодезии, истории, атласы. На полках большая библиотека мемуарной литературы.

Сюда часто приходят литературоведы, историки, писатели и журналисты. Нужно узнать какой-нибудь факт из истории города, отдельного дома, отыскать за-

бытый всеми адрес,— Николай Никитич готов по мере возможностей помочь во всем этом. Ведь он много лет изучает историю Петербурга, его домов и проспектов. Буквально с закрытыми глазами может он ходить по городу, часами рассказывать о каком-нибудь старинном особняке. Он знает биографии домов, их судьбы, кто жил, кто бывал в них из знаменитых людей прошлого, кем был построен дом, каков был его прежний облик. За десятки лет он по крупицам собрал сведения, разбросанные в многочисленных книгах и журналах.

Назовем одну только цифру — 600 монографий и трудов о Петербурге просмотрел Николай Никитич, прежде чем на рабочем столе его появилась созданная им уникальная карта пушкинского Петербурга. Она небольшая, цветная. Выполнена аккуратно и очень подробно. Чувствуется рука прекрасного картографа.

На плане Петербурга первой половины XIX века нанесены крохотные черные и красные прямоугольнички — дома, понтонные невские мосты, знакомые и Пушкину, и Гоголю, и Лермонтову.

На месте новых районов — Автово, Дачное, Купчино — видны темно-зеленые участки заболоченной, необжитой земли. Почти у каждого домика стоит порядковый номер. Всего их 623. В обширной рукописи можно найти по номеру историю дома, его судьбу, начиная с момента строительства и по сей день.

Красным цветом отмечены дома, где жил или бывал Пушкин.

Николай Никитич не только создал карту и подробную историю домов пушкинского Петербурга. Он обнаружил и новые, до него неизвестные адреса.

Так, благодаря Фокину стало известно место, где находился в Петербурге дом министра просвещения Разумовского, в котором юный Пушкин сдавал экзамены в лицей. Раньше считалось, что в доме по проспекту Римского-Корсакова, 39, находилась квартира Никиты Всеволожского, где происходили собрания «Зеленой лампы» и где часто бывал Пушкин. Фокину удалось доказать, что адрес «Зеленой лампы» не дом № 39, а дом № 35 того же проспекта. В доме же № 39, как оказалось, служил Стивен, лицейский товарищ Пушкина.

И таких находок у Фокина много.

В адресном указателе в книге «Пушкинский Петербург» помечено рукой Николая Никитича несколько десятков новых, исправленных им, адресов.

По карте Николая Фокина можно прочертить маршруты литературных героев. Вот треугольник дома со львами, на одном из которых сидел «неподвижный, страшно бледный Евгений», вот Исаакиевский понтонный мост, смытый наводнением (он указывает нам примерный путь лодочника), протянувшийся на запад по Васильевскому острову Большой проспект, селение Галерной гавани, где находился «ветхий домик» Параши. На карту легко нанести и маршрут Онегина — от ресторана Талон до Большого петербургского театра.

Найдем мы также на этой карте и «дом пиковой дамы» на скрещении Малой Морской и Гороховой, и Демутов трактир на набережной Мойки, 40.

— Книги о пушкинском Петербурге не иллюстрированы картами, — объясняет Николай Никитич. — Многочисленные сведения о домах разбросаны и не создают единого представления о городе. А карта вбирает все эти сведения.

Фокин с готовностью отыщет, расскажет, поделится своими знаниями с другим человеком. Потому что он любит город, в котором живет много лет, дорожит прошлым своего города. У Николая Никитича красивая, посеребренная годами, окладистая борода, живые, смеющиеся глаза. Речь его нетороплива. Голос звучит немного глуховато. Каждое слово Фокин произносит неспешно, осторожно, так, словно предварительно взвешивает его, пробует на ощупь.

Он по-юношески строен и подтянут, хотя ему уже за шестьдесят — может быть, потому, что всю жизнь свою много ходил пешком. Сотни километров отшагал молодой военный топограф Николай Фокин с полевым блокнотом в Маньчжурии и на Ленинградском фронте.

...Часто поздно вечером из топографического техникума, где преподает Николай Никитич, пешком направляется он домой. Техникум находится на улице Салтыкова-Щедрина, квартира Фокина — на Васильевском острове. Путь немалый. Но Фокин любит шагать по вечернему Ленинграду после шумного и хлопотливого преподавательского дня — мимо хорошо знакомых старинных зданий, где он изучал каждый их камень, каждую линию их архитектурного рисунка.

Эти дома и живущих в них сегодня людей он защищал в Великую Отечественную войну.

А теперь он прививает любовь к городу и его истории своим воспитанникам. Он возвращается домой на тихую, зеленую 11-ю линию Васильевского. Но редко он остается один в окружении карт, гравюр и лесной скульптуры.

Может быть, вот сейчас раздастся звонок. К двери подходит Николай Никитич и встречает нового гостя, пришедшего в дом Фокина, как в маленький, своеобразный музей. Может быть, сейчас начинается еще одно увлекательное путешествие в прошлое.

«О, НЕ ВЕРЬТЕ ЭТОМУ НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ!»

Если бы не Петербург, не было б великолепных петербургских повестей Гоголя «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Нос», «Шинель», «Портрет». «...Он Петербургу обязан многими типами созданных им характеров»[1] — писал о Гоголе Белинский.

Юношей Гоголь мечтал о загадочном и прекрасном Петербурге. В его воображении всплывала из тумана сказочно красивая Северная Пальмира. Из Нежинской гимназии он писал приятелю в Петербург: «Уже ставлю мысленно себя в Петербурге, в той веселой комнатке окнами на Неву, так как я всегда думал найти такое место. Не знаю, сбудутся ли мои предположения, буду ли я точно живать в этаком райском месте...»[2]

Ему грезились огни театральных подъездов, новые друзья, многолюдные художественные галереи.

Из Полтавской губернии вместе с другом Александром Данилевским и слугой Якимом отправляется Гоголь в далекую северную столицу. Ни родных, ни близких нет у него в этом городе.

«...Дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали, снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами...»[3] Таким предстал Петербург изумленному взору кузнеца Вакулы.

В этих строках, написанных Гоголем в Петербурге, отразились, видимо, впечатления и самого автора, прибывшего тоже зимой, в декабре 1828 года в шумный

---

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 555.

[2] Н. В. Гоголь. Собр. соч., т. 7. М., Гослитиздат, 1967, стр. 49. В дальнейшем цитируем по этому изданию.

[3] Н. В. Гоголь, т. 1, стр. 186.

У Перинной линии. Из «Панорамы Невского проспекта».

столичный город из тишины провинциального украинского городка. Гоголь был ошеломлен и изумлен Петербургом. Но потребовалось не так уж много времени, чтобы увидеть Петербург в другом, менее радужном свете. В письме к матери он пишет: «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее»[1].

Не удалось поселиться и в комнатке с видом на Неву. Вместе с Данилевским Гоголь снимает комнату в доме купца Галибина на Гороховой улице, а затем переезжает в дом аптекаря Трута на набережной Екатерининского канала между мостами Вознесенским и Кокушкиным. (Оба эти дома не сохранились.) За квартиру Гоголь платит восемьдесят рублей в месяц[2]. Последние гроши уходят на продукты.

В апреле 1829 года Гоголь снимает комнату в доме Иохима на Большой Мещанской улице, напротив Столярного переулка (ныне ул. Плеханова, 39). Этот длинный четырехэтажный дом с балконами не изменился с тех пор. Принадлежал дом знаменитому на весь Петербург каретнику Иохиму. Не случайно Хлестаков вспоминает имя этого мастера: «Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты». Под самой кровлей этого

[1] Н. В. Гоголь, т. 7, стр. 60.
[2] Ассигнациями.

доходного дома ютился будущий автор «Ревизора». «Дом, в котором обретаюсь я, — рассказывал Гоголь, — содержит в себе двух портных ...сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду дегатировщика, красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку и, наконец, привилегированную повивальную бабку. Натурально, что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу на четвертом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно»[1]. Даже место мелкого чиновника долго и безуспешно ищет Гоголь в холодном и негостеприимном городе. Его начинают преследовать нужда и разочарование.

Нет, не принес ему город на Неве ни славы, ни работы.

В конце 1829 года Гоголь перебирается в другой конец того же Столярного переулка, в дом Зверкова у Кокушкина моста (канал Грибоедова, 69/18). В этом же году Гоголя приняли в департамент. Вместо того чтобы заниматься литературой, играть на сцене (Гоголь пробовал было стать актером), ему приходится заниматься нудной канцелярской работой мелкого чиновника. Но именно на этой работе знакомится он с будущими своими персонажами — задавленными жизнью мелкими чиновниками, важными, тупыми и величественными «значительными лицами».

Новая работа писцом, а затем помощником столоначальника в департаменте уделов приносит новые интересные наблюдения. Сгорбленные чиновничьи спины, корпение над бессмысленной перепиской бумаг, трепет маленьких людей при виде титулованной особы — все это пригодится великому писателю, все это войдет в плоть и кровь его произведений.

А в мае 1831 года состоялась долгожданная встреча с Пушкиным. Гоголь давно мечтал об этой встрече, он боялся, робел от одной только мысли увидеться и говорить с великим Пушкиным. Попытка познакомиться с ним в Демутовом трактире не увенчалась успехом. Виной всему была нерешительность Гоголя.

Теперь на квартире Плетнева на Обуховском проспекте завязывается большая дружба двух великих писателей. И конечно, эта дружба повлияла на творчество

---

[1] Н. В. Гоголь, т. 7, стр. 62.

Гоголя. Известно, что сюжет «Ревизора» был подсказан Гоголю Пушкиным.

Многие дома, где непродолжительное время жил Гоголь, не сохранились до наших дней. Так, мы не сможем увидеть и тот дом Демут-Малиновского в Новом переулке (пер. Антоненко), где Гоголь написал повести «Портрет», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Зато другому дому — дому на Малой Морской, 97 (его владельцем был придворный музыкант Лепен) повезло больше; дом этот почти не изменился с тех пор, как летом 1833 года в него переехал Гоголь. Сегодня на доме по улице Гоголя, 17 (бывший дом Лепена) можно увидеть мемориальную доску. О чем напоминает она?

Современник Гоголя вспоминал: «Гоголь жил на Малой Морской, в доме Лепена, во дворе, в двух небольших комнатах, и я живо помню темную лестницу квартиры, маленькую переднюю с перегородкой, небольшую спальню, где он разливал чай своим гостям, и другую комнату, попросторнее, с простым диваном у стены, большим столом у окна, заваленным книгами, и письменным бюро возле него»[1].

Интересно, что этот новый свой адрес Гоголь упоминает в «Ревизоре», созданном как раз в этом же доме. Сочинитель Тряпичкин, которому адресует письмо Хлестаков, живет «в доме под № 97, поворотя на двор в третьем этаже, направо». Правда, на конверте письма Хлестакова «литератору» Тряпичкину дается иная улица — Почтамтская (ул. Связи).

Но все остальное сходится как нельзя лучше. Ведь квартира Гоголя была тоже на третьем этаже дома № 97 и вход в нее был со двора направо. Сюда, на квартиру Гоголя, часто приходят его новые и старые друзья. Устраиваются «чайные вечера». Хозяин приглашает гостей к самовару, собственноручно разливает крепкий чай. Его небольшие живые глаза на остроносом лице часто смеются, наблюдая за веселым и разноголосым обществом. Все чувствуют себя у Гоголя непринужденно. Здесь всегда присутствует бойкая насмешка над низостью и лицемерием. И почти ничего из рассказанного не проходит мимо чуткого уха хозяина дома. Вот

---

[1] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960, стр. 72.

и этот анекдот о бедном чиновнике, мечтавшем купить себе новое ружье, врезается в память Гоголя. Чиновник ценой долгих лишений покупает себе ружье, но в первой же охоте теряет его. От огорчения чиновник заболевает. В основе анекдота было действительное происшествие. Внимательно слушал Гоголь этот рассказ. Позже он воспользуется им в своей повести о маленьком, обездоленном человеке, мелком чиновнике Башмачкине.

Стихнет шумная Малая Морская. Погаснут окна дома Лепена, кроме одного — окна квартиры Гоголя. Писатель подойдет к бюро, и в тишине комнаты будет слышно, как поскрипывает гусиное перо. На листах бумаги будут жить герои его петербургских повестей, многих из них он поведет за собой теми же улицами, теми же переулками, где не раз хаживал он сам.

А днем он будет бродить по оживленным улицам Петербурга, острым своим глазом всматриваться в пеструю толпу, выхватывая из нее самое интересное и колоритное. Он любит днем проходить по тротуарам Невского проспекта и наблюдать, наблюдать...

«Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге, для него он составляет все. Чем не блещет эта улица — красавица нашей столицы!» Этот проспект — олицетворение всего Петербурга. Внешний блеск его и пышность оборачиваются фальшью, мечта — горечью разочарования. На Невском наивный романтик художник Пискарев встречает свой идеал, свою мечту и вскоре убеждается, что создание божественной красоты, блеснувшее ему в толпе, оказывается продажной женщиной.

«Дивно устроен свет наш! думал я, идя третьего дня по Невскому проспекту... Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша! получаем ли мы когда-нибудь то, чего желаем. Достигаем ли мы того, к чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы. Все происходит наоборот...

О, не верьте этому Невскому проспекту. Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Все обман, все мечта, все не то, что кажется...

Он лжет во всякое время, этот Невский проспект».

Так, начав с юмористических, метких зарисовок

Невского в разные часы дня, посмеявшись вдоволь над причудами моды, над пестрой и разношерстной толпой, к грустному выводу приходит Гоголь. Блеск и праздность Невского не заслоняет жизнь трудовых, грязных, будничных Мещанских, Гороховых.

Идея «Невского проспекта» в той или иной форме выражена Гоголем во всех его петербургских повестях. Мечтает Башмачкин о новой шинели, мечтает Поприщин о директорской дочери, мечтает стать великим художник Чартков, но всем этим мечтам не суждено сбыться...

ДОМ ЗВЕРКОВА

Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих, а нашей братьи, чиновников, как собак, один на другом сидит.

(«Записки сумасшедшего»)

Чугунные мостики над извилистым каналом Грибоедова сохранили свои прежние названия, знакомые великим русским писателям: Вознесенский, Демидов, Кокушкин...

Даже перестроенные, эти мостики словно живая связь времен.

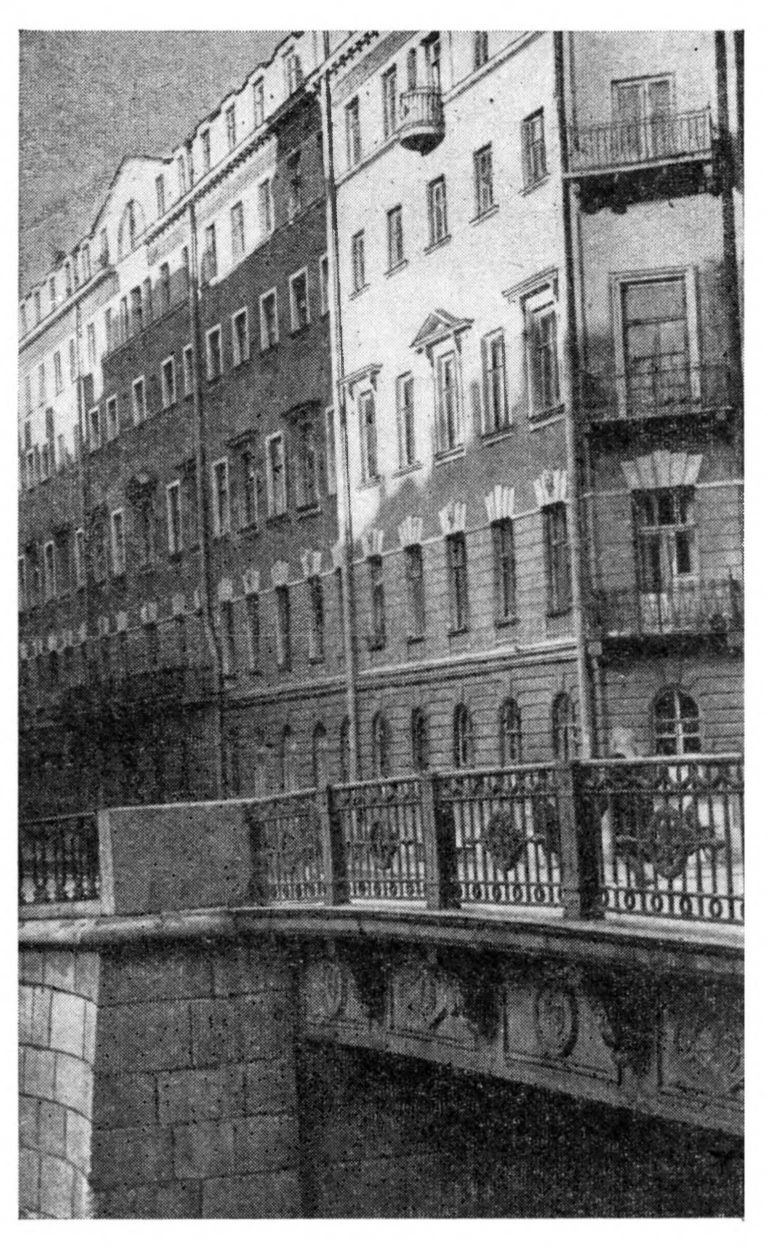
Перейдешь такой мостик и внезапно окажешься в уголке старого города.

Неподалеку от Сенной площади параллельно проспекту Майорова пролегает Столярный переулок (ул. Пржевальского). Через канал Грибоедова переулок этот переброшен Кокушкиным мостом. Другой конец Столярного упирается в Большую Мещанскую (ул. Плеханова), где стоит уже известный нам дом Иохима.

По тротуарам тихого и узкого Столярного прошли Гоголь и Поприщин, Достоевский и Раскольников.

...Перейдем и мы Кокушкин мост.

Огромное здание на углу канала Грибоедова и улицы Пржевальского (№ 69/18) встретит нас. Это дом Зверкова. Здесь с 1829 по 1831 год жил Гоголь. Он переехал в дом Зверкова из дома Иохима. Слишком дорого было жить у Иохима, хотя, как и в доме Зверкова, там Гоголь ютился под самой кровлей.

Дом Зверкова. Канал Грибоедова, 69/18.

На конвертах писем, приходивших в этот угловой дом, писали: «Коммерции советнику Зверкову в собственном доме у Кокушкина моста».

Коммерции советник давал под расписку деньги (одно время брат Пушкина Лев Сергеевич должен был Зверкову 500 рублей). Построенное в 1827 году, здание это было тогда первым пятиэтажным и самым высоким в Петербурге.

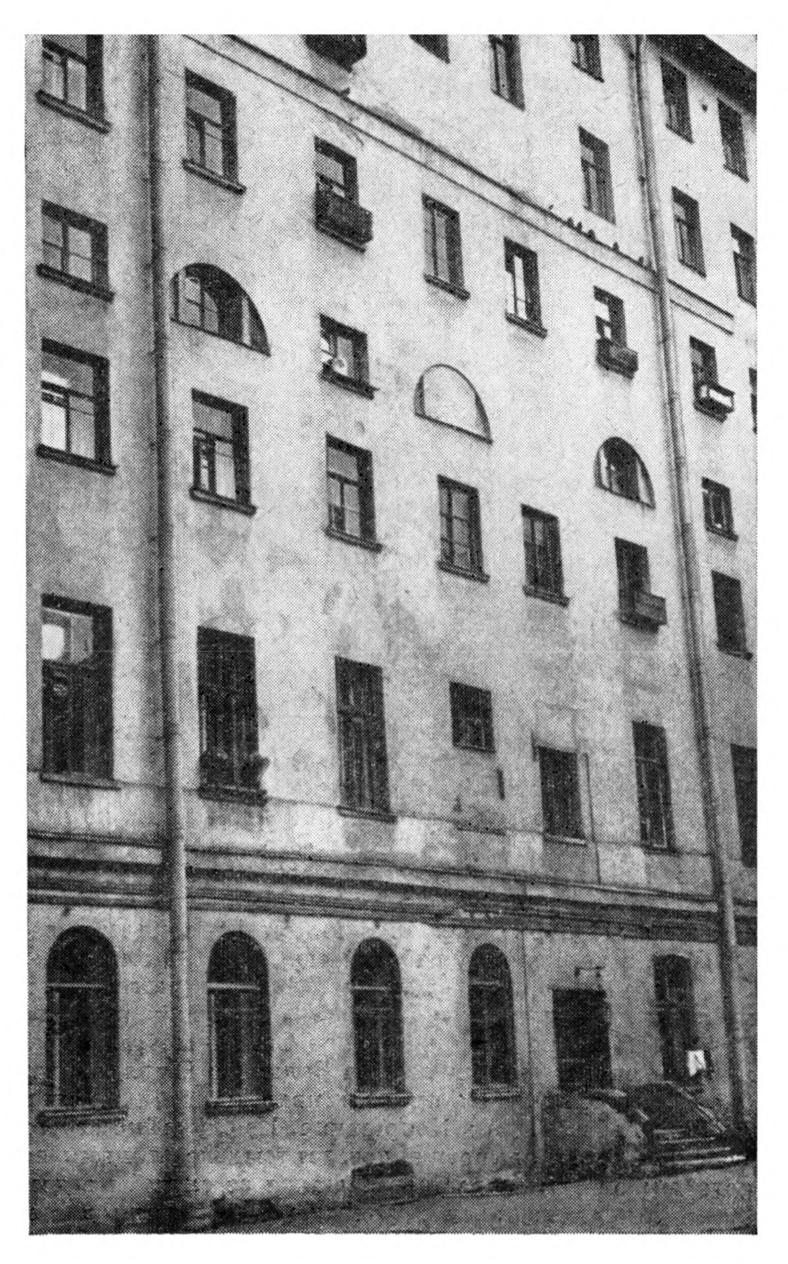
«Сей дом должен почесться огромнейшим из всех частных домов»,— сообщали «Отечественные записки».

Мать Гоголя беспокоилась, что сын ее снял комнату на последнем этаже высокого петербургского дома (комната под самой кровлей стоила дешевле, чем на втором или третьем этаже).

Позже дом перешел во владение коммерсантов Жадимеровских (в их доме на углу Большой Морской и Гороховой одно время жил Пушкин). При следующем хозяине — Никитине — дом был надстроен еще двумя этажами. И теперь мы видим со стороны фасада шесть этажей, а со двора — семь. Объясняется это тем, что третий этаж, выходящий во двор, разделен на два этажа. И окна здесь разные по высоте и форме — одни прямоугольные, другие арочные. И лепятся они густо — одно на другое. Окна на улицу выглядят куда наряднее.

В этом доме жили купцы, занимавшие помещение с видом на Столярный, и приказчики — в низких комнатах, с окнами во двор.

По всей вероятности, окно комнаты Гоголя тоже выходило во двор. Будущий автор «Шинели» и «Записок сумасшедшего» был чиновником 14-го класса, занимался в канцелярии работой «глупой, бестолковой». Каждое утро он выходил из дома Зверкова и отправлялся на постылую чиновничью службу сначала в департамент на Мойку, 66, близ Синего моста, а позже — в департамент уделов, на Большую Миллионную (ул. Халтурина). Там он натягивал на себя мундир Акакия Акакиевича и Поприщина. Не случайно своего Поприщина Гоголь позже поведет теми же улицами, по которым он сам не раз возвращался со службы в дом Зверкова: «Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец к Кокушкину мосту и остановились перед большим домом. «Этот дом

Дом Зверкова. Вид со двора.

я знаю, — сказал я сам себе. — Это дом Зверкова»[1]. Живя у Зверкова, Гоголь пытается поступить на петербургскую сцену. Но на инспектора русской драматической труппы Храповицкого, приверженца старой, классической школы, неприятное впечатление произвела простая, безыскусственная манера чтения Гоголя-Яновского.

Горькие минуты нужды и неустроенности быта, нудная канцелярская работа сменялись минутами радости. Это тогда, когда Гоголь усаживался за стол в своей тесной комнатке и, вспоминая родную Украину, писал «Вечера на хуторе близ Диканьки», или когда после работы шагал в Академию художеств, где занимался живописью (может быть, этим занятиям в Академии мы обязаны появлению гоголевского «Портрета»).

...Трудные минуты жизни в доме Зверкова, густо населенном разношерстным людом (недаром Поприщин сравнивает этот дом с машиной), надолго запомнились Гоголю. Вот почему, уже будучи известным писателем, живя в доме Лепена на Малой Морской, Гоголь приводит своего Поприщина в дом Зверкова.

В СТАРОЙ КОЛОМНЕ

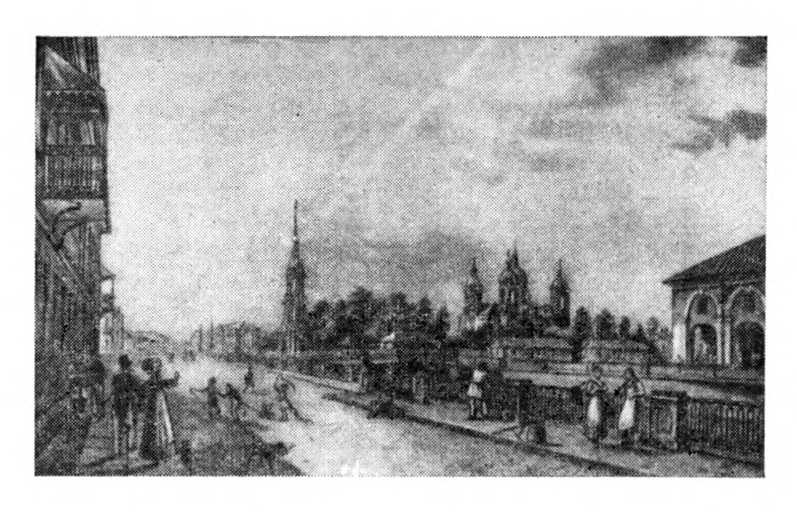
Тут все непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желанья и порывы. Сюда не заходит будущее, здесь все тишина и отставка, все, что осело от столичного движенья.

(«Портрет»)

Мы уже побывали с вами в пушкинской Коломне, там, где у Покровской площади стоял маленький деревянный домик. Но знакомое так хорошо и Пушкину и Гоголю слово «Коломна» сейчас не встретишь ни в одном современном адресном указателе Ленинграда. Что же называлось раньше Коломной?

Это был довольно обширный район города между Мойкой и Фонтанкой от Крюкова канала к заливу.

[1] Н. В. Гоголь, т. 3, стр. 185—186.

Старая Коломна у Крюкова канала. Литография.

Название произошло не то от первых строителей «работных людей» из подмосковного города Коломны, не то от просек-колонн, какими были когда-то улицы Декабристов и Союза печатников. Эта часть города стала застраиваться в 1736 году. В то время как Петербург украшался новыми величественными архитектурными сооружениями, становился оживленнее и наряднее, «ветхозаветная Коломна» жила своей тихой, тусклой жизнью. Кто населял Коломну? Главным образом мелкие чиновники, ремесленники, отставные военные, актеры. Дом адмирала Клокачева, в котором прошли три года жизни Пушкина, дом Стройновских были своеобразными оазисами среди очень скромных и блеклых построек. Один из современников Пушкина писал о Коломне: «Здесь при свете сальной свечи, согнувшись, сидит трудолюбие; в тесной квартирке, обращенной во двор окнами, скрывается огромный талант; в бельэтажах здешних домов не бывает раутов; есть лавки, но нет магазинов; по улицам не только гуляют, но и ходят пешком; здесь встают, когда там еще спят, и ложатся спать, когда там только собираются к вечерним выездам»[1].

[1] Цит. по кн.: «Пушкинский Петербург», Лен. газ.-журн. изд-во, 1949, стр. 63.

Трудовой люд окраины Петербурга начинал свой день на рассвете:

Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик...

Гоголь познакомился с Коломной на десять лет позже Пушкина. За это время мало что изменилось в ней. Дома, за редким исключением, остались те же, как и сам уклад жизни. В конце Торговой улицы (ныне ул. Союза печатников) было болото, поросшее камышом и осокой. Чиновники, любители охоты, направлялись туда по праздникам, чтобы пострелять куликов и уток.

К ночи и без того тихая Коломна становилась почти безмолвной:

...Ночь над мирною Коломной
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени.

Лишь крик часового вдалеке, бой часов и стук дрожек запоздалого седока нарушали изредка покой «мирной» Коломны. В одну из таких ночей возвращались от Никиты Всеволожского Пушкин и Яков Толстой[1] к дому Клокачева. Толстой вспоминал:

Зыбясь, в Фонтанке отражалась
Столбом серебряным луна,
И от строений расстилалась
Густая тень, как пелена,
И слышен был, подобно грому,
Повозок шум издалека...[2]

Но, может быть, самую реалистическую картину Коломны дал Гоголь в «Портрете»:

«Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди... и, наконец, весь тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный, — людей, которые с своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца, а бывает просто ни се ни то: сеется туман и отнимает всякую резкость у предметов»[3]. Среди этих людей живет в Коломне ростовщик, человек с глазами необык-

---

[1] Член общества «Зеленая лампа».
[2] Цит. по кн.: «Пушкинский Петербург», стр. 64.
[3] Н. В. Гоголь, т. 3, стр. 116—117.

новенной, демонической силы. Его деньги приносят несчастье. Ростовщик живет в доме, не похожем на остальные коломенские строения. Железные ставни, засовы, разные по величине окна. Портрет ростовщика, созданный рукой художника, тоже несет гибель и опустошение души всем тем, кто завладевает им.

Интересно, что в первоначальном варианте «Портрета» фамилия художника, купившего портрет на Щукином дворе (он находился на территории Апраксина двора), была не Чартков, а Чертков. Видимо, автор хотел этим подчеркнуть, что герой его запродал душу черту, погнавшись за деньгами и легким успехом.

«— Смотри, чтоб из тебя не вышел модный живописец, — предостерегает его учитель. — У тебя и теперь уже что-то начинают слишком бойко кричать краски... Смотри, как раз попадешь в английский род»[1].

Но 1000 червонцев, найденные в раме портрета, сделали свое дело: Чартков стал модным живописцем. Талант разменивает он вместе с этими зловещими звонкими червонцами. Из бедной квартирки на 15-й линии Васильевского острова художник переезжает в «великолепнейшую квартиру на Невском проспекте». Современники Гоголя находили, что история Чарткова напоминала карьеру английского художника Доу, приглашенного Александром I в Россию для создания в Зимнем дворце портретной галереи 1812 года. Это был самый популярный и преуспевающий в Петербурге портретист. Имел он множество заказов от петербургской знати. Кисть его была бойкой, картины получались красивыми, но не было в них ни души, ни правды («Смотри, как раз попадешь в английский род»). И еще одну аналогию могли подметить современники.

Помните, как потрясла Чарткова картина молодого одаренного художника, вернувшегося из Италии? Какое действие возымела она на всех, кто созерцал ее в Академии художеств! Нетрудно было догадаться, что Гоголь имел в виду знаменитую картину молодого Брюллова «Последний день Помпей». В 1834 году она была выставлена в одном из залов Академии художеств.

Но вернемся к нашей Коломне. Не случайно так много литературных героев родилось здесь. Это и пущ-

---

[1] Н. В. Гоголь, т. 3, стр. 81.

кинский чиновник Евгений, и персонажи гоголевского «Портрета», и одна из героинь Достоевского — Лиза («Вечный муж»). И, по всей вероятности, Акакий Акакиевич Башмачкин. Правда, Гоголь точно не называет его местожительство. Но обратный путь Башмачкина от дома, где жило «одно значительное лицо», к себе домой может подсказать нам многое. Башмачкин идет по длинной улице, постепенно погружаясь из светлого, шумного Петербурга в тишь и темень захолустья: «Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видными на другой стороне ее домами, которая глядела страшною пустынею.

Вдали, бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света»[1].

Все это очень похоже на Покровскую площадь, бывшую столь же пустынной и темной. На краю площади была полицейская будка. Шел Башмачкин, видимо, по длинной Садовой улице. На знакомой уже нам площади и произошло ограбление. В этом глухом месте Петербурга ограбления были частым явлением.

...На площади Репина рядом с Калинкиным мостом шумно разворачиваются трамваи и автобусы. Людской поток на набережной Фонтанки обгоняет ее спокойное, ленивое течение. Ничто здесь не напоминает сегодня картину гоголевской Коломны: «Жизнь в Коломне страх уединенна: редко покажется карета, кроме разве той, в которой ездят актеры, которая громом, звоном, бряканьем своим одна смущает всеобщую тишину».

И может быть, только тогда, когда стихает шум городского транспорта, когда сгущается сумрак и над старыми коломенскими домами темно-серое небо набрасывает призрачное свое покрывало, кажется, что по мокрой мостовой вдоль темнеющей Фонтанки мчатся дрожки. Неподвижно чернеют тяжелые цепи Калинкина моста, бронзовый силуэт сфинкса у Египетского мостика. Возок пронесется беззвучно мимо гранитных берегов, унося с собой Гоголя в будущее. Вот он уже скрылся в туманной мгле. Тройка летит, не касаются мостовой копыта. Будто по воздуху несется птицей бессмертная тройка.

---

[1] Н. В. Гоголь, т. 3, стр. 156.

«УВЫ! КАК СКУЧЕН ЭТОТ ГОРОД...»

Неприбетливо встретил Петербург в августе 1832 года восемнадцатилетнего Лермонтова. Северная столица была пасмурной и угрюмой. Жандармский мундир то и дело мелькал в толпе.

Увы! Как скучен этот город
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой...

Это первое, юношеское впечатление от города на Неве, но оно останется надолго.

Лермонтов поселился со своей бабушкой Е. А. Арсеньевой на набережной Мойки, в доме графа Ланского (этот дом не сохранился, на его месте стоит сегодня дом № 84).

Просторы Финского залива. Лермонтов давно мечтал встретиться с северным морем. Его «Парус» — символ свободы — написан здесь, в Петербурге. Быть таким же вольным, как парус!.. Но вместо петербургского университета — школа гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, вместо занятий поэзией — муштра, военные парады и караульная служба. «Увы, как скучен этот город!»

Школа находилась в доме Чернышева на набережной Мойки у Синего моста (на этом месте теперь исполком Ленинградского горсовета — бывшее здание Мариинского дворца).

Два года Лермонтов писал стихи тайком, урывками, запершись один в отдаленном классе. Потом последовало направление в Царское Село, в лейб-гвардии гусарский полк. Но не прерывается связь Лермонтова с Петербургом. Он часто бывает у родственника в доме на Б. Мастерской улице (ныне Лермонтовский пр., 10/8). Один из современников, посетивший поэта в этом доме, вспоминал: «как-то я подошел к окну и увидел

на нем тетрадь in folio и очень толстую: на заглавном листе крупными буквами было написано: «Маскарад, драма»[1].

Лермонтовский «Маскарад», где поэт смело срывал маску со всего великосветского лживого света, не был допущен к постановке (даже после того, как поэт написал новый, четвертый акт, в котором появляется Неизвестный, и Арбенин, совершивший преступление, наказан — он сходит с ума).

Острые и горькие наблюдения за великосветским Петербургом и Петербургом мелких чиновников вылились в петербургский роман «Княгиня Лиговская». Написан был роман в доме № 61 по Большой Садовой улице. (Дом был трехэтажный, с небольшим фронтоном. Уже после смерти поэта дом надстроили двумя этажами).

Здесь, в доме Шаховского, Лермонтов узнал о гибели Пушкина. В этом же доме поэт написал и свое гневное, обличительное стихотворение «Смерть поэта».

Современники переписывали стихи Лермонтова, читали их вслух в кондитерской Вольфа и Беранже (Невский пр., 18), в той самой модной кондитерской, где совсем недавно встречался Пушкин с Данзасом перед тем, как отправиться на Черную речку.

«Воззвание к революции» — с такой надписью получил Николай I это стихотворение.

Первый арест, первая ссылка на Кавказ. Находясь в здании Главного штаба, поэт на клочках бумаги, в которую камердинер завертывал хлеб, пишет несколько стихотворений, в том числе знаменитого «Узника».

Через год благодаря хлопотам бабушки Лермонтова переводят сначала в Новгород, а затем в Царское Село. Петербург снова рядом.

Частым гостем бывает Лермонтов в музыкальном и литературном салоне М. Ю. Виельгорского, страстного любителя музыки, одного из самых образованных людей своего времени.

В домах под номерами 3, 4 и 5 на Михайловской площади (площадь Искусств) устраиваются домашние концерты. Лермонтов сам играет на нескольких музыкальных инструментах, он здесь всегда желанный гость.

---

[1] М. Н. Лонгинов. Соч., т. I. М., 1915, стр. 293.

...Неоконченная повесть Лермонтова «Штосс» начинается словами: «У графа В*** был музыкальный вечер. Первые артисты столицы платили своим искусством за честь аристократического приема; в числе гостей мелькало несколько литераторов и ученых; две или три модные красавицы; несколько барышень и старушек, и один гвардейский офицер»[1].

Это впечатление от музыкально-литературного вечера в доме Виельгорского.

На набережной реки Мойки, неподалеку от дома, где в 1832—1834 годах жил Лермонтов, жила Александра Осиповна Смирнова-Россет (набережная Мойки, 78). Знакомство с этой умной и обаятельной женщиной оставило след в творчестве поэта. Портрет Смирновой-Россет есть в неоконченной повести «Штосс». Это Минская: «...она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое, правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли»[2].

Отношение героя повести Лугина к Минской несколько напоминает увлечение Лермонтова Смирновой-Россет. «Он бывал часто у Минской: ее красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением»[3].

Уже написаны роман «Герой нашего времени», поэмы «Демон» и «Мцыри». В них впечатления от недавней ссылки на Кавказ.

Природа горного края, полуразрушенные замки Грузии, ущелья вплелись в повествование. И еще есть в этих поэмах ощущение вольного простора, свободы духа, что так редко чувствовал поэт в Петербурге.

Растет слава Лермонтова, а с ней растет ненависть к нему Николая I и Бенкендорфа. На бале-маскараде Лермонтова окружают какие-то маски, берут его под руки, нашептывают ему что-то, пытаясь, очевидно, вызвать скандал.

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,

---

[1] М. Ю. Лермонтов. Собр. соч., т. 4. М., «Правда», 1969, стр. 340. В дальнейшем цитируем это издание.
[2] Там же, стр. 340.
[3] Там же, стр. 342.

При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски...

. . . .

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

После столь дерзкого стихотворения тучи над поэтом стали сгущаться.

...16 февраля у графа Лаваля на Английской набережной (набережная Красного Флота, 4) бал. Среди гостей и Лермонтов. Подъезжающих к богатому, ярко освещенному дому встречают добродушные, флегматичные каменные львы-философы. Они совсем не похожи на грозных сторожевых львов другого богатого дома — дома князя Лобанова-Ростовского на том же Невском берегу. Особняк графа Лаваля, построенный по проекту архитектора Тома де Томона, великолепен. Не только внешний вид, но и необыкновенное внутреннее убранство, вестибюль, лестница отличают этот дом среди других богатых петербургских зданий.

Многое могли бы рассказать спокойно лежащие львы. Они видели, как из этого дома уезжала несколько лет назад в глухую Сибирь к осужденному князю Трубецкому дочь старого Лаваля. Впереди была бесконечно длинная дорога.

Но грезы мирны и легки,
Приснилась юность ей,
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы...

(Н. А. Некрасов. «Русские женщины»)

Раньше, когда дом графа был литературным салоном, эти флегматичные львы встречали Пушкина, Гнедича, Крылова, Грибоедова.

А теперь в доме Лаваля бал. И сын французского посланника Эрнест де Барант ищет ссоры с Лермонтовым. Защищая честь русского офицера, Лермонтов принимает вызов. Дуэль должна состояться на Парголовской дороге за Черной речкой. Минуло всего три года после кровавой драмы на Черной речке. И вот великосветский Петербург спешит расправиться еще с одним великим поэтом.

Барант промахнулся; Лермонтов же выстрелил в сторону.

Снова арест. Лермонтов посажен в Ордонанс-гауз (комендантское управление, его сегодняшний адрес — Садовая, 3). Следует вторая ссылка на Кавказ. В день отъезда друзья собрались у Карамзиных на Гагаринской. Лермонтов стоял у окна и задумчиво смотрел на темневшую в высоких гранитных берегах Фонтанку, на Летний сад, еще совсем недавно скованный петербургской зимой, на низко плывущие облака. Грустно и легко ложились стихи на бумагу, здесь же, в доме Карамзиных:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Февраль 1841 года. Последний приезд Лермонтова в Петербург. Его появление на балу в доме графини Воронцовой-Дашковой (на Английской набережной, 10) производит неблагоприятное впечатление на членов царской семьи. Они спешат объявить визит опального поэта неприличным. Лермонтову предложено в сорок восемь часов покинуть город. Это было в доме, принадлежавшем некогда Остерману (о нем мы говорили в рассказе «День Онегина»).

Впервые приехав в Петербург, Лермонтов назвал его скучным городом. Покидая навсегда северную столицу, он писал с горечью:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

МАСКАРАД У ЭНГЕЛЬГАРДТА

Весь этот пестрый сброд — весь этот маскерад,
Еще в уме моем кружится.
(«Маскарад»)

Дома живут значительно дольше, чем люди. Чего только не видят они на своем веку! У домов тоже есть свои судьбы. Не отличаясь среди других построек ред-

кой архитектурой, иной дом мог бы часами рассказывать о тех, кто бывал под его кровлей, о событиях, случившихся в нем, о своих испытаниях. На фасаде дома порой не увидишь мемориальной доски. Дом молчит, и мы можем равнодушно пройти мимо него. А если бы он заговорил?

Невский проспект. Стройный, вытянувшийся струной почти на три километра от Адмиралтейства до площади Восстания, легендарный Невский. Его домам повезло и не только потому, что стоят они на главной, самой оживленной магистрали города, особенно нарядной по вечерам, когда отблеск неоновых реклам и вывесок ложится на фасады зданий. Почти каждый дом Невского знаменит, почти к каждому прикоснулась рука Истории. Невский видел и Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова, и Крылова, и Глинку. Он объединял в своих литературно-музыкальных салонах выдающихся деятелей культуры. Он был местом прогулок великих петербургских писателей, местом их встреч, горячих споров и дружеских бесед. Невский помнит революционные бури, расстрел демонстрантов в июле 1917 года на углу Садовой, воронки от фашистских снарядов, убитых ленинградцев на его заснеженных тротуарах. Он ощутил и блокадную темноту, и ледяной покров. Но, как и весь Ленинград, Невский выстоял, перенес все тяжкие испытания.

Каждый вечер он ослепительно прекрасен, каждый вечер оживлен и тороплив. В нем горит, пульсирует новая жизнь.

Но Невский помнит... Утихает сутолока, и движение машин становится все спокойнее и спокойнее, гаснут яркие огни на кровлях домов, ночь опускается на город, и старые невские дома погружаются в сон, а может быть, в воспоминания о прожитом... Свитком разворачивается белая лента. Метр, еще метр и еще. Мелькают дома, экипажи, пешеходы. Видны платья старинных фасонов, модные зонтики дам, котелки мужчин, пышные аксельбанты военных. Вот карета и тройка лошадей у подъезда богатого дома, вот дрожки с кучером, а вот уличный разносчик с лотком перебегает улицу. Свиток разворачивается все дальше, и мы узнаем постепенно многие дома Невского проспекта. Пусть вывески на них нам незнакомы, но дома напоминают сегодняшние здания.

Перед нами знаменитая «Панорама Невского проспекта» художников П. Садовникова и И. Иванова (1830 год). Это документ эпохи. В то время не было фотографии, и поэтому особенно ценно это цветное изображение главной улицы Петербурга. П. Садовников был крепостным княгини Н. П. Голицыной («Пиковая дама»). Рассматривая миниатюрное изображение Невского тех времен, невольно вспоминаешь насмешливые слова Гоголя:

«Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений. Создатель! какие странные характеры встречаются на Невском проспекте!»[1]

На панораме Садовникова и Иванова показан Невский днем, когда, по выражению Гоголя, «происходит главная выставка всех лучших произведений человека».

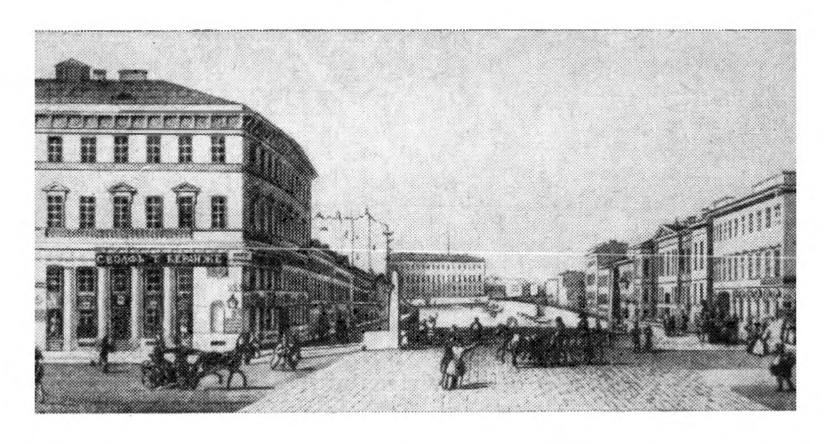
Менялись прически, костюмы, нравы. Дома Невского освобождались от одних вывесок с фамилиями владельцев булочных, кафе, рестораций и заменялись другими. Некоторые дома перестраивались, вырастали на этаж или два. И все же облик Невского с тех пушкинских времен, судя по разворачивающейся на наших глазах панораме, не сильно изменился.

...Направимся по Невскому проспекту от Главного Штаба к площади Восстания по четной, солнечной его стороне. Знакомая нам уже кондитерская Вольфа и Беранже на углу Невского и реки Мойки (Невский, 18). Сегодня здесь художественный магазин. Напротив дом, принадлежавший некогда купцам Косиковским,— знаменитый ресторан «Талон» (Невский, 15). Мостик через Мойку назывался Зеленым. Это был деревянный мост, окрашенный в зеленый цвет. Позже его переименовали в Полицейский мост (ныне — Народный мост). Соседние мостики через Мойку тоже были цветными — Красный у Гороховой улицы и Синий у Вознесенского проспекта (пр. Майорова).

Перейдем чугунный мостик через Мойку. Слева от нас вдали на набережной Мойки, 40, виден дом, где находился раньше Демутов трактир.

...Квартал между нынешними улицами Желябова и Софьи Перовской занят ансамблем лютеранской церкви святого Петра (архитектор А. Брюллов). На углу

[1] Н. В. Гоголь, т. 3, стр. 11.

Кондитерская Вольфа и Беранже. Из «Панорамы Невского проспекта».

Большой Конюшенной (ул. Желябова) и Невского проспекта находились известная всему Петербургу «Библиотека для чтения» и книжная лавка издателя пушкинских произведений Смирдина. На «Панораме Невского проспекта» это здание изображено трехэтажным, сегодня мы видим здесь пять этажей. Оба бывших доходных дома по сторонам лютеранской церкви были в начале XX века надстроены.

Но последуем дальше.

Перейдя мост через канал Грибоедова, мы окажемся у четырехэтажного дома № 30. Стеклянные двери вестибюля метро то и дело распахиваются. Немного правее вход в Малый зал филармонии. За стеклом афиши, извещающие о выступлении музыкантов, певцов, советских и зарубежных исполнителей. Фасад дома украшен в центральной части колоннами. Среди зданий Невского проспекта этот дом занимает особое место: он был свидетелем событий необыкновенных, испытаний редких и тяжелых. Остановимся перед ним.

Когда-то здесь помещалась книжная лавка Сленина. В этой лавке любили собираться писатели и журналисты. Здесь можно было встретить Дельвига, Гнедича, Крылова. Баснописец часто приходил к Сленину отдохнуть во время прогулки по Невскому и перелистать фолиант: долгое время работая в Публичной библиотеке, он стал знатоком старой книги.

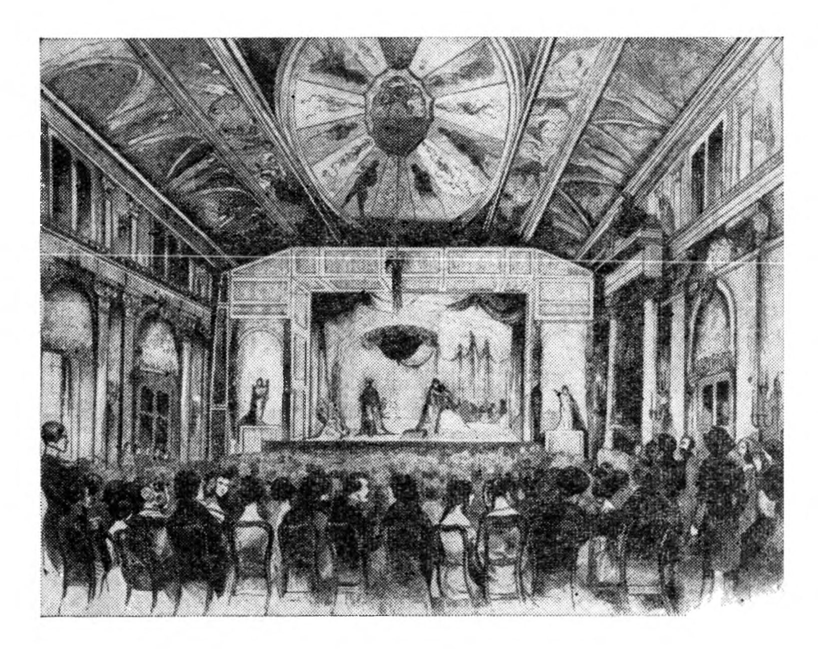
Богатый петербургский купец Михаил Кусовников, владелец многих зданий в столице, приобрел этот дом. Кусовников слыл большим оригиналом и чудаком. Расхаживал по городу в длиннополом зипуне и лаптях, заходил в ювелирную лавку, просил показать какой-нибудь дорогой браслет или перстень. И когда приказчик уже собирался звать городового, чтобы выгнать деревенщину из магазина, Кусовников к всеобщему изумлению вынимал из-за пазухи толстенную пачку денег. Так он обходил несколько ювелирных магазинов.

Дом на углу Невского, купленный Кусовниковым, был ему ни к чему, просто купец вложил свои деньги в недвижимое имущество. Вскоре отписал он дом своей дочери Ольге, вышедшей замуж за приятеля Пушкина Василия Васильевича Энгельгардта. Полковник Энгельгардт был богатым человеком, не лишенным деловой жилки. В 20-х годах он часто встречался с Пушкиным на собраниях общества «Зеленая лампа».

Посетив в Париже знаменитый Пале-Рояль с его увеселительными заведениями, Энгельгардт решил перестроить свой дом на такой же манер. В 1829 году дом Энгельгардта был перестроен по проекту архитектора Жако. Начинается новая, бурная и пестрая пора в жизни дома на Невском. Весь город сбегается смотреть на филармоническую залу и бельэтаж в доме Энгельгардта, на его готическую и китайскую комнаты, на пышность и великолепие обстановки. Дом становится одним из самых популярных в городе. На шесть лет приобретает Энгельгардт право на устройство в своем доме публичных маскарадов.

Газета «Северная пчела» восторженно писала в 1830 году: «Вот храм вкуса, храм великолепия открыт для публики! Все, что выдумала роскошь, все, что изобрела утонченность общежития, соединено здесь. Тысячи свеч горят здесь в богатых бронзовых люстрах и отражаются в зеркалах, в мраморах и паркетах; отличная музыка гремит в обширных залах, согласные звуки певчих разносятся под позолоченными плафонами».

В залах первоначально стояла мебель екатерининского времени, сделанная из красного дерева, карельской березы, орнаментированная позолоченной гипсовой лепкой. Затем появились модные кресла и диваны,

Филармоническая зала в доме Энгельгардта. 50-е годы XIX в.

отличавшиеся смягченностью линий. Из-за высокої входной платы (десять рублей) маскарады у Энгельгардта бывали малолюдны.

Та же газета, писавшая о пышности дома, отмечала: «Мужчины в черных фраках, без шляп с важными и угрюмыми лицами расхаживали по светлым, веселым комнатам, с любопытством посматривали на мебель, живопись, драпировку, как будто на аукционе, или в комнатах, отдающихся в наем... Какие прелестные комнаты! Как жаль, что наша публика не пользуется предоставленным ей удовольствием!»

Скрываясь под маской, на маскараде бывали члены царской семьи, великие княгини, иностранные принцы, сам Николай I.

> Под маской все чины равны,
> У маски ни души, ни званья нет — есть тело.

Однако мужчины могли появляться и без масок. Мелькали в толпе домино, костюмы пиковой, червовой или трефовой дамы, наряды индийцев, эфиопов,

Конечно, Лермонтов не мог не бывать на маскарадах у Энгельгардта. И своих героев — Арбенина и князя Звездича — приводит он в дом Энгельгардта:

Рассеяться б и вам и мне не худо.
Ведь нынче праздники и, верно, маскарад
У Энгельгардта.

В уста Арбенина вкладывает Лермонтов свои горькие наблюдения и раздумья над светским обществом, лицемерным и фальшивым, как маскарадный наряд:

...Глупость и коварство!
Вот все, на чем вертится свет!

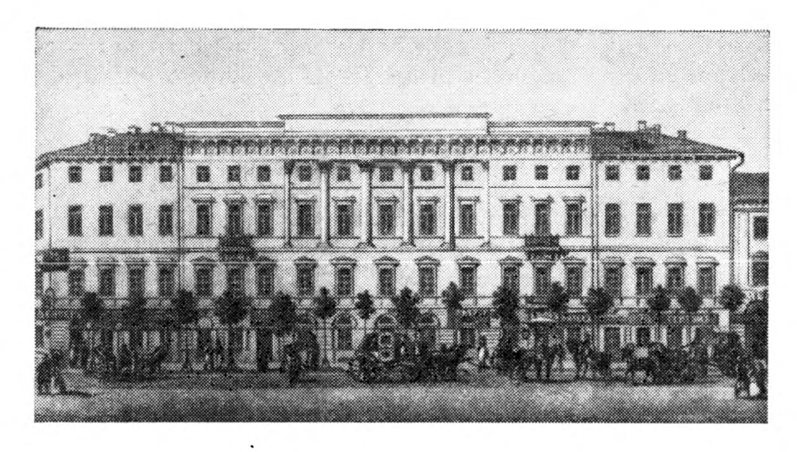
Вокруг Арбенина, как и вокруг самого Лермонтова, хоровод переодетых интриганов и лакеев. Подобно Загорецкому («Горе от ума»), услужлив и плутоват Шприх. Существует предположение, что Грибоедов и Лермонтов описали одного и того же человека, хорошо известного в обеих столицах. Это был ростовщик, делец и плут, некий Элькан, оказавшийся к тому же еще и агентом Третьего отделения. Достойный прототип!

Но филармоническая зала в доме Энгельгардта жила своей полнокровной жизнью. Кто только не выступал на ее сцене! Скрипачи Оле Буль, Вьетан, Липинский, певцы Рубини, Виардо-Гарсия, пианисты Лист, Фильд, Дрейшок...

«Король пианистов» Лист, выступавший во многих русских городах и за границей, с восторгом отзывался о зале госпожи Энгельгардт. Когда должен был в зале выступать Лист, на эстраде устанавливали два рояля — один против другого. Лист играл попеременно на каждом. После таких выступлений петербургские газеты писали, что фортепьяно — это клетка, в которую заключена, как птица, душа музыканта.

Дебютировал в зале и двенадцатилетний Антон Рубинштейн. Публика с восторгом приветствовала мальчика с длинными черными кудрями, в бархатной курточке. Гектор Берлиоз, Рихард Вагнер, Иоганн Штраус вставали за дирижерский пульт в историческом зале. Здесь звучала музыка Глинки и Даргомыжского. Бронзовый Глинка встречает сегодня посетителей Малого зала филармонии на центральной лестнице.

И. С. Тургенев записал: «Пушкина мне удалось видеть... на утреннем концерте в зале Энгельгардта. Он

Дом Энгельгардта. Из «Панорамы Невского проспекта».

стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом. Помню его смуглое небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы. Он и на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: он словно с досадой повел плечом — вообще он казался не в духе — и отошел в сторону»[1].

А в феврале 1838 года в зале состоялось торжественное празднование пятидесятилетия писательской деятельности Крылова. Таких юбилеев Россия еще не знала. Была специально выпущена золотая медаль с изображением баснописца. П. Вяземский написал поздравительное стихотворение, которое было положено на музыку и исполнено хористами.

С приветственными речами выступали Жуковский и Одоевский. Крылов сидел грузный, немного сонный, как обычно. О чем он думал? Может быть, припоминал те времена, когда он встречал Пушкина в книжной лавке Сленина в этом перестроенном с тех пор доме. В аль-

---

[1] И. С. Тургенев. Собр. соч., т. X. М., «Правда», 1968, стр. 315.

бом Сленина великий поэт записал однажды стихотворение, начинающееся словами: «Я не люблю альбомов модных...».

Знал ли кто-нибудь тогда в этом зале, сколько испытаний выпадет на долю дома Энгельгардта! Был пожар 1850 года, когда дом чуть не сгорел. При восстановлении несколько изменился его фасад. Позже, когда здание перешло в собственность Учетно-ссудного банка, новые владельцы украсили строгий облик дома лепкой.

Во время Великой Отечественной войны фашистским снарядом были сильно разрушены стена, выходящая на Невский, и перекрытие зала. Казалось, не быть знаменитому филармоническому залу. Но раны, нанесенные войной, залечены. С открытием в 1949 году Малого зала филармонии возрождаются литературно-музыкальные традиции дома. Он вновь наполняется музыкой.

Но словно злой рок преследует дом Энгельгардта. Строительство метрополитена и вестибюля станции «Гостиный двор» вызывает необходимость значительно перестроить дом. Он начинает постепенно оседать.

Высказывались мнения, чтобы коренным образом перестроить дом Энгельгардта, заменить его современным зданием.

Но общественность Ленинграда высказалась за сохранение прежнего облика дома Энгельгардта. На его защиту встали многие видные ученые — литературоведы и архитекторы.

Целое крыло дома № 30, снесенное при строительстве вестибюля метро, снова как бы возвращается на место. Ведутся реставрационные работы для воссоздания прежнего вида уникального памятника культуры...

В судьбе дома Энгельгардта сказались любовь и уважение советского человека к своему прошлому.

...К Малому залу филармонии подкатывают такси. Не закрываются стеклянные двери вестибюля. Ленинградцы спешат на вечерний концерт. У дома Энгельгардта, как всегда, оживление. Сегодня фортепианный вечер Валерия Васильева. Скоро в филармоническом зале прозвучит хачатуряновский вальс к драме Лермонтова «Маскарад». И дом будет чутко прислушиваться к этой грустной мелодии. В ней скорбь и горечь

Арбенина и отголосок пестрого, фальшивого маскарадного света.

У этого дома старое, много раз перекроенное тело и тонкая, богатая музыкальная душа.

ПУТЯМИ ПЕЧОРИНА И КРАСИНСКОГО

Между тем белый султан и гнедой рысак пронеслись вдоль по канаве, поворотили на Невский, с Невского на Караванную, оттуда на Семионовский мост, потом направо по Фонтанке, и тут остановились у богатого подъезда, с навесом и стеклянными дверьми с медной блестящей отделкой.

(«Княгиня Лиговская»)

Печорин, герой своего времени, впервые появляется у Лермонтова в его петербургском романе «Княгиня Лиговская».

Офицер лейб-гвардии конного полка, казармы которого расположены недалеко от манежа на Конногвардейском бульваре (бульвар Профсоюзов), Печорин спешит домой: по Вознесенскому проспекту (пр. Майорова), через Вознесенский мост, где сбивает с ног чиновника Красинского, и далее по набережной Екатерининского канала (канал Грибоедова), Караванной (ул. Толмачева). Предположительно гнедой рысак остановится у дома № 32 по набережной Фонтанки.

Пути Печорина и Красинского пересекаются. Красинский возвращается домой по Вознесенскому проспекту из департамента государственных имуществ, который находился в здании Главного Штаба в начале Невского. Живет Красинский в районе Обухова моста, где селилась многочисленная армия мелких служащих.

Два дома, две квартиры. Какие разные они! Вот квартира Печорина в доме на набережной Фонтанки, у Симеоновского моста: «Светло-голубые французские обои покрывали ее стены... лоснящиеся дубовые двери с модными ручками и дубовые рамы окон... Драпировка над окнами была в китайском вкусе, а вечером или когда солнце ударяло в стеклы, опускались пунцовые шторы, — противоположность резкая с цветом горницы,

но показывающая какую-то любовь к странному, оригинальному. Против окна стоял письменный стол, покрытый кипою картинок, бумаг, книг, разных видов чернильниц и модных мелочей; по одну его сторону стоял высокий трельяж, увитый непроницаемою сеткой зеленого плюща; по другую — кресла, на которых теперь сидел Жорж»[1].

Лермонтов поселяет своего Григория Александровича Печорина в дом, принадлежавший графу Кушелеву, генералу, артиллеристу, участнику русско-турецкой войны. Комнаты Кушелева помещались, как и комнаты Печорина, на втором этаже этого углового дома (теперь сильно перестроенного). Широкая мраморная лестница вела в графские покои. На первом этаже дома был огромный танцевальный зал. Граф Кушелев в ленте, при сабле встречал в дверях своего дома лиц царской фамилии. В верхнем этаже этого дома находилась домашняя церковь. Лермонтов, видимо, знал и графа и его дом. Многие современники обратили внимание на сходство обстановки кабинета Печорина и кабинета Кушелева.

А теперь перенесемся в дом Красинского на набережную Фонтанки у Обухова моста. На каком из четырех углов Фонтанки и Московского проспекта мог находиться этот дом? На правом берегу реки, ближе к Сенной площади, два светлых, расположенных полукольцом здания. По внешнему облику и времени постройки не одно из них не может быть жилищем Красинского. На другом берегу Фонтанки напротив сквера (Измайловский сад) находится четырехэтажный дом (Московский проспект, 16) с башенками на кровле и узкими сводчатыми окнами. Войдем во двор этого дома через ворота со стороны набережной. Узкий колодец двора поворачивает направо, потом налево и тотчас же снова налево. Со двора дом оказывается пятиэтажным, что свидетельствует, как мы убедились на примере дома Зверкова, о тесноте, царившей здесь когда-то. И Лермонтов пишет, что в доме Красинского угловатый двор и узкие окна нижнего этажа; пирамиды дров в этом узком угловатом дворе действительно могли грозить «ежеминутно подавить вас своим падением». Появление офицера лейб-гвардии вызывает

---

[1] М. Ю. Лермонтов, т. 4, стр. 124.

Дом Печорина. Набережная Фонтанки, 3,

удивление. Кухарка разглядывает Печорина с любопытством.

«Печорин сел. Окинув взором комнату и все в ней находящееся, ему стало как-то неловко; если б судьба неожиданно бросила его во дворец персидского шаха, он бы скорей нашелся, нежели теперь»[1].

Не случайно в сердце Красинского зреет ненависть к сильным мира сего, к представителям великосветской знати.

Вот он стоит у дома баронессы Р. на аристократической Миллионной улице (ул. Халтурина). Кареты одна за другой подъезжают к подъезду. Любопытные прохожие толпятся у входа. Поздно вечером появляется среди зевак и Красинский. Он с завистью смотрит на титулованных особ, которых «вытаскивают» лакеи из экипажей, на их звезды и кресты. «Чем я хуже их? — думал он. — Деньги, деньги и одни деньги, на что им красота, ум и сердце? О, я буду богат непременно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю это общество отдать мне должную справедливость»[2].

...Рядом с домом Красинского по набережной Фонтанки стоит тяжелое длинное здание с десятиколонным портиком. Здесь находятся сегодня клиники Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. В прошлом в здании этом размещалась Обуховская больница. Сошедший с ума пушкинский Германн, если помните, был как раз помещен в эту больницу. И снова соседство домов подсказывает духовное родство двух литературных героев. И Красинский и Германн, снедаемые мечтами разбогатеть и прославиться, оба рвались из нищеты и не смогли заставить общество отдать им «должную справедливость».

...Князь и княгиня Лиговские живут на Большой Морской (ул. Герцена). Упоминает Лермонтов и артистическое кафе у Александринского театра (ныне театр им. А. С. Пушкина). Но Петербург Печориных, Лиговских и баронессы Р. все же обрисован Лермонтовым менее подробно, чем город Красинского и подобных ему чиновников, всю жизнь мечтающих выкарабкаться из бедности.

---

[1] М. Ю. Лермонтов, т. 4, стр. 167.
[2] Там же, стр. 177.

У КОКУШКИНА МОСТА

...По тротуарам лишь изредка хлопали галоши чиновника, да иногда раздавался шум и хохот в подземной полпивной лавочке, когда оттуда вытаскивали пьяного молодца в зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражке. Разумеется, эти картинки встретили бы вы только в глухих частях города, как, например, у Кокушкина моста.

(«Штосс»)

Так рисует Лермонтов утро у Кокушкина моста в отрывке из неоконченной повести «Штосс». Картина эта напоминает нам городские пейзажи в петербургских повестях Гоголя, зарисовки Достоевского. (Отрывок появился в 1841 году, а петербургские повести Гоголя — в 1835 году).

Герой «Штосса» — Лугин, художник. Он подвержен все время каким-то странным видениям, у него мания — переселиться в дом титулярного советника Штосса в Столярном переулке, у Кокушкина моста. Наконец, преследуемый навязчивой идеей, Лугин приходит в Столярный переулок и находит дом, действительно принадлежащий Штоссу. Художник снимает квартиру № 27 в доме Штосса. И здесь с ним происходят весьма странные вещи: каждый вечер появляется не то призрак, не то живой старик с картами и мечет перед Лугиным штосс.

Лугин проигрывает. Он просиживает все дни один в кабинете, здоровье его все хуже и хуже. Но он ждет каждый вечер старичка в полосатом халате и туфлях, чтобы играть с ним в штосс. Каждый раз возникает божественное видение — женская головка изумительной красоты склоняется к плечу Лугина и, кажется, о чем-то молит его.

Мы не знаем, что же в конце концов произошло с несчастным художником: повесть осталась незаконченной.

Интересно, что на стене квартиры в доме Штосса висит портрет человека в бухарском халате с табакеркой в руке. «Казалось, этот портрет писан несмелой, ученической кистью,— платье, волосы, рука, перстни — все было очень плохо сделано; зато в выраже-

нии лица, особенно губ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глаз оторвать: в линии рта был какой-то неуловимый изгиб, недоступный искусству и, конечно, начертанный бессознательно, придававший лицу выражение насмешливое, грустное, злое и ласковое попеременно»[1].

Напоминает этот портрет в некоторой степени и роковой портрет в повести Гоголя.

Штосс — название карточной игры. Штосс — фамилия домовладельца и, наконец, реплика старика: «Что-с?»

...Некая бедная девица, по фамилии Штосс, выиграла в польской лотерее около полумиллиона. Об этом случае гоборил весь город. П. А. Вяземский, принимавший участие в этой лотерее, писал родным в декабре 1839 года: «А большой выигрыш в 400 000 рублей здесь взят. Выиграла его какая-то бедная девица Штосс, а я-то, что-с? спрашиваю я у судьбы, что я тебе в дураки, что ли, достался?»

Каламбур этот знали многие присутствующие на чтении Лермонтовым отрывка из повести. Возможно, автор самим названием хотел подчеркнуть шуточный характер своей повести. Однако вольно или невольно идея повести получилась вовсе нешуточной. Как и гоголевский художник Пискарев («Невский проспект»), Лугин стремится к неясному еще и призрачному идеалу-мечте. Но эта мечта оказывается страшно далекой, недосягаемой.

...Где же находился дом Штосса? Реального дома, владельцем которого был бы титулярный советник Штосс, видимо, не существовало. Лермонтов поселяет своего Лугина в Столярном переулке. Шел Лугин по Малой Мещанской (ныне Казначейская ул.), затем «повернул направо и увидал небольшой грязный переулок, в котором с каждой стороны было не больше десяти высоких домов... Так он добрался почти до конца переулка, и ни одна надпись ничем не поразила его воображения, как вдруг он кинул случайно глаза на противоположную сторону улицы, и увидал над одними воротами жестяную доску вовсе без надписи»[2]. Это и был дом Штосса.

---

[1] М. Ю. Лермонтов, т. 4, стр. 347.
[2] Там же, стр. 344—345.

На плане этого района города можно проследить, как шел Лугин. Правда, возникает некоторое недоумение, когда мы читаем, что, сойдя с Кокушкина моста, Лугин спрашивает мальчика, где Столярный, на что получает ответ: «А вот идите прямо по Малой Мещанской, и тотчас направо, первый переулок и будет Столярный»[1]. А ведь Кокушкин мост и находится в конце Столярного, и вовсе нет необходимости кружить по Малой Мещанской. Здесь, очевидно, неточность в топографическом описании Лермонтовым того района, где он не был несколько лет. Если же предположить, что Лугин, сойдя с Кокушкина моста, повернул *налево* и, только пройдя несколько десятков шагов по набережной, спросил мальчика, то все сходится.

Во всяком случае искал Лугин дом у самого Кокушкина моста и шел по Столярному к этому месту. Угловой дом по другой стороне переулка у самого Кокушкина моста и есть дом Зверкова. Он имеет ворота, в отличие от соседнего дома. Лермонтов же несколько раз упоминает о воротах. Есть основание полагать, что спустя шесть лет после выхода петербургских повестей Гоголя в одном доме встретились два литературных героя — Поприщин и Лугин.

Если вспомнить общие мотивы гоголевской и лермонтовской прозы, которые прозвучали в «Штоссе», совпадение адресов, видимо, не случайно.

Впрочем, и герои Достоевского не раз еще пройдут по узкому Столярному переулку. Словно покрыт сединой литературного прошлого этот тихий и задумчивый Столярный переулок. Отчего же такая честь выпала на его долю?

Об этом мы расскажем позже.

---

[1] М. Ю. Лермонтов, т. 4, стр. 344.

«ЕСТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ ДОВОЛЬНО СТРАННЫЕ УГОЛКИ...»

Если раскрыть почти любой роман Достоевского, легко обнаружить, что страницы его буквально пестрят названиями петербургских улиц, набережных и переулков. Литературные герои не просто живут в этих петербургских домах, не просто ходят по улицам и переулкам, а теснейшим образом связаны с окружающим их городским пейзажем. Он занимает исключительно важное место в произведениях Достоевского, которого по праву называют самым петербургским писателем.

Федор Михайлович Достоевский знал Петербург досконально. И не только потому, что многие годы прожил в городе на Неве, где сменил двадцать квартир. Он любил бродить по городу, всматриваться в его выражение, подмечать физиономию каждого дома. Встречных людей, как и отдельные здания, он высматривал, и они отлагались в его душе будущими образами. При этом писатель любил бродить самыми темными и отдаленными улицами Петербурга. Во время ходьбы часто разговаривал сам с собой. Как знать, может быть в этом движении по городу уже возникали в голове писателя картины будущих произведений? И письменный стол нужен был лишь для того, чтобы записать то, что накопилось у Достоевского во время его многочисленных прогулок.

Если проследить за теми домами в Петербурге, где после окончания Инженерного училища жил Достоевский, можно легко обнаружить удивительную последовательность: все, точнее — почти все дома — угловые, со скошенным углом. Такую форму имеет дом на Владимирском пр., 11, и дом на проспекте Майорова, 8/23 (дом Шиля), и на 3-й Красноармейской, 5, и на Казначейской ул., 7 (дом Олонкина), и на Лиговском пр., 25, и последняя квартира Достоевского в доме на Кузнечном переулке, 5.

Дом И. М. Олонкина, где жил Достоевский.

Случайное ли это обстоятельство? Видимо, нет. Как и частая смена квартир, угловые дома определялись вкусом Федора Михайловича. Возможно, это связано с бродяжническим духом писателя, с возможностью лучшего обзора из углового дома. Ведь еще в училище любимым местом Достоевского была амбразура окна в угловой, так называемой круглой, каморе (спальне) роты, выходящей на Фонтанку. Там Достоевский занимался или читал — это было его страстью. Он ведь обожал Пушкина, зачитывался Гёте, Гофманом, Гоголем и Бальзаком.

И своих литературных героев Достоевский очень часто поселяет в угловых домах — на Вознесенском проспекте (проспект Майорова), в Столярном переулке (ул. Пржевальского) и в других хорошо ему знакомых районах города. Прежде чем дать своему герою точную прописку, Достоевский сам не раз побывает в этих местах, определит топографию произведения, наметит конкретные маршруты персонажей. Продолжая традиции Пушкина, Гоголя, Достоевский берет героем своих произведений «маленького» человека, забитого нуждой и теснотой, униженного и оскорбленного.

Повесть Гоголя «Шинель» появилась на четыре года раньше первого романа Достоевского «Бедные люди». Но пожилой бедный чиновник Макар Алексеевич Девушкин напоминал Акакия Акакиевича Башмачкина. Некоторые исследователи даже называли их родными братьями.

Достоевский не повторил гоголевского мелкого чиновника, задавленного действительностью. Его Макар Девушкин тоже беден, живет впроголодь, копя деньги. Но цель у героя Достоевского более возвышенная. Ничтожность его положения не делает его таким жалким и смешным, как Акакия Акакиевича. Движет Девушкиным не стремление к покупке для себя какой-либо вещи, а бескорыстная любовь к Вареньке Доброселовой, что куда благороднее мечты Акакия Акакиевича о новой шинели.

Варенька живет в доходном доме вблизи Фонтанки. Он битком набит бедными семьями. Макар Алексеевич живет тут же, во дворе, ютится за перегородкой на кухне, а из его окна видно окно Вареньки с бальзаминчиками, гераньками.

«Вообразите, примерно,— пишет он Вареньке,—

длинный коридор, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будет глухая стена, а по левую все двери да двери, точно нумера, все так в ряд простираются. Ну, вот и нанимают эти нумера, а в них по одной комнатке в каждом; живут в одной и по двое и по трое. Порядку не спрашивайте — Ноев ковчег!...»[1]

Воздух в этом жилье такой, что в нем не живут птички, вот уже пятый чижик умирает, от запахов кухни больше всех страдает сам Девушкин: его комнатка рядом. Вспоминается лестница дома, где жил Петрович, портной, к которому пришел Башмачкин. Лестница доходного дома, где живет Макар Алексеевич. «винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стены такие жирные, что рука прилипает, когда на них опираешься. На каждой площадке стоят сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки развешаны, окна повыбиты; лоханки стоят со всякою нечистью, с грязью, с сором, с яичною скорлупою да с рыбьими пузырями; запах дурной... одним словом, нехорошо»[2].

Достоевскому важно показать подробно темный и бедный город, потому что это помогает раскрыть внутренний мир героев, живущих в этом городе, их настроение, их чувства: «Вечер был такой темный, сырой... Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, наш брат по какой-нибудь надобности; мальчишки, какой-нибудь слесарский ученик в полосатом халате, испитой, чахлый... Скучно по Фонтанке гулять! Мокрый гранит под ногами, по бокам дома высокие, черные, закоптелые; под ногами туман, над головой тоже туман. Такой грустный, такой темный был вечер сегодня»[3].

Иногда эти безрадостные картины сменяются другими, рисующими яркий и пышный город. Сам Девушкин, давно не бывавший на Гороховой улице, удивляется: «Шумная улица! Какие лавки, магази-

---

[1] Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 1. М., Гослитиздат, 1956, стр. 82. В дальнейшем цитируем по этому изданию.
[2] Ф. М. Достоевский, т. 1, стр. 90.
[3] Там же, стр. 176.

ны богатые; все так и блестит и горит, материя, цветы под стеклами, разные шляпки с лентами. Подумаешь, что это все так, для красы разложено — так нет же: ведь есть люди, что все это покупают и своим женам дарят. Богатая улица! Немецких булочников очень много живет в Гороховой; тоже, должно быть, народ весьма достаточный. Сколько карет поминутно ездит, как это все мостовая выносит! Пышные экипажи такие, стекла, как зеркало, внутри бархат и шелк; лакеи дворянские, в эполетах, при шпаге. Я во все кареты заглядывал, все дамы сидят, такие разодетые, может быть и княжны и графини. Верно, час был такой, что все на балы и в собрания спешили»[1].

Возможно, Макар Девушкин находился в начале Гороховой улицы, где неподалеку от Адмиралтейского проспекта на углу Малой Морской и Гороховой стоял особняк княгини Голицыной. Мы уже знакомы с этим домом — к нему подкатывает вечером карета, увозящая старую графиню на бал, здесь под одной крышей уживаются бедность и роскошь. Вот и Макар Девушкин пишет о несправедливости, о том, что одни живут «в каком-нибудь дымном углу, в конуре сырой какой-нибудь, которая, по нужде, за квартиру считается», а другие «тут же, в этом же доме, этажом выше и ниже» живут «в позлащенных палатах»[2]. На этой богатой Гороховой встречает Девушкин мальчика, просящего милостыню. Но карманы Девушкина пусты, и он не может подать милостыню дрожащему нищему мальчугану.

Первый роман Достоевского принес ему славу. Некрасов и Белинский были восхищены. «Автор пойдет дальше Гоголя. Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах»,— писал В. Белинский.

Достоевский понимал, что в николаевскую эпоху, когда все свободолюбивое подавлялось и преследовалось, необходимы смелость и энергия, необходимы волевые и решительные люди. Сам Достоевский вступил на путь борьбы с самодержавием, примкнул к тайному политическому обществу петрашевцев, за что был сослан на каторгу в Сибирь.

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 1, стр. 177.
[2] Там же, стр. 181.

Писатель изобразил особый тип людей-мечтателей, людей, не способных бороться с окружающей действительностью и погруженных в мир фантазии и мечты. Мечтательность, по мнению Достоевского, есть особый вид протеста против несправедливости, но протеста слабого и немощного, убежище для маленького человека.

Лучше всего эта особенность петербургского характера показана в романе Достоевского «Белые ночи». Действие его происходит на берегу канала, такого же извилистого и узкого, как Екатерининский. Надо отметить, что этот канал (или, как принято было в то время говорить, «канава»)— излюбленное место действия во многих романах Ф. Достоевского. Мечтатель одинок. И даже Настеньке,— с ней он встречается случайно в одну из белых петербургских ночей,— мечтателю нечего рассказать о себе. Он так привык быть один, гулять по уснувшим набережным и наблюдать дома, что они сделались ему ближе, чем люди. Каждый дом для мечтателя почти живое существо: «Мне тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый как будто забегает вперед меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: «Здравствуйте, как ваше здоровье? и я, слава богу, здоров, а ко мне в мае месяце прибавят этаж»... «Из них есть у меня любимцы, есть короткие приятели; один из них намерен лечиться это лето у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтоб не залечили как-нибудь, сохрани его господи!.. Но никогда не забуду истории с одним прехорошеньким светло-розовым домиком. Это был такой миленький каменный домик, так приветливо смотрел на меня, так горделиво смотрел на своих неуклюжих соседей, что мое сердце радовалось, когда мне случалось проходить мимо. Вдруг на прошлой неделе я прохожу по улице, и как посмотрел на приятеля — слышу жалобный крик: «А меня красят в желтую краску!» Злодеи! варвары! они не пощадили ничего: ни колонн, ни карнизов, и мой приятель пожелтел, как канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до сих пор не в силах был повидаться с изуродованным моим бедняком»[1]

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 2, стр. 6—7.

Мечтатель Достоевского был похож на Манилова, и не исключено, что появился герой «Белых ночей» под влиянием «Мертвых душ» Гоголя: Достоевский относился с особенной любовью к Гоголю, часто повторял: «ведь у каждого из нас есть и патока Манилова, и дерзость Ноздрева, и аляповатая неловкость Собакевича, и всякие глупости и пороки»[1]. Но Манилов со своими воздушными замками смешон и приторен, а мечтатель «Белых ночей» не смешон — он несчастен. Его мечты не уходят в заоблачную высь, они здесь, рядом с ним, в Петербурге.

Мечтатель, как и большинство героев Достоевского, любит бродить по городу без цели, без определенного маршрута. Какая-то неудержимая сила тянет его к постоянному общению с городом. И мечтатель, и «подросток», и князь Мышкин, и Раскольников бродят по сонным и тихим улицам Петербурга. Под покровом белых ночей даже темные и грязные закоулки кажутся романтичнее.

«Есть в Петербурге,— говорит мечтатель,— довольно странные уголки... В этих углах, милая Настенька, выживается как будто совсем другая жизнь, не похожая на ту, которая возле нас кипит, а такая, которая может быть в тридесятом неведомом царстве, а не у нас, в наше серьезное-пресерьезное время. Вот эта-то жизнь и есть смесь чего-то чисто фантастического, горячо-идеального и вместе с тем (увы, Настенька!) тускло-прозаичного и обыкновенного, чтоб не сказать: до невероятности пошлого»[2].

Кончаются белые ночи, кончается призрачное счастье мечтателя, который влюбился в Настеньку — искреннюю, прямую, но вполне земную девушку с обычными для ее возраста интересами.

«Мои ночи кончились утром. День был нехороший. Шел дождь и уныло стучал в мои стекла»[3].

Многое в романах Достоевского связано с его личными впечатлениями, переживаниями.

Страшная сцена казни петрашевцев на Семеновском плацу, переживания обреченного нашли отраже-

---

[1] Е. Саруханян. Достоевский в Петербурге, Лениздат, 1970, стр. 90.

[2] Ф. М. Достоевский, т. 2, стр. 18—19.

[3] Там же, стр. 56.

ние в романе «Идиот». В молодости Федор Михайлович был увлечен и, как он сам признавался, даже влюблен в А. Я. Панаеву. Сестру Раскольникова, тоже Авдотью, Достоевский наделил внешними чертами А. Я. Панаевой. Жена литератора Панаева была не только красивой и обаятельной женщиной, но и умной, тонкой собеседницей. Некоторые ее черты отразились, по всей вероятности, и в облике Настасьи Филипповны.

СЕМЬСОТ ТРИДЦАТЬ ШАГОВ

Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать.

(«Преступление и наказание»)

А теперь одно небольшое литературное расследование. Оно связано с романом Достоевского «Преступление и наказание».

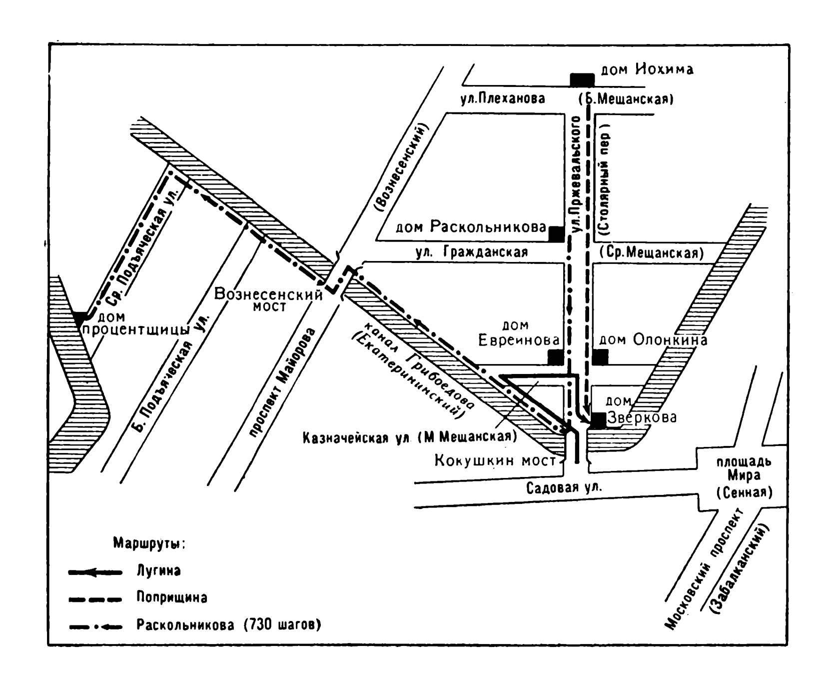
Есть в центре старого города, неподалеку от Вознесенского проспекта, дом 19/5 на углу улиц Пржевальского и Гражданской. Перед этим домом часто останавливается экскурсионный автобус, и голос экскурсовода объявляет: «Перед нами дом Раскольникова».

Почему именно этот дом считается местом, где жил главный герой «Преступления и наказания»? Ведь автор романа нигде не указал точного адреса своего героя. Да, не указывает адреса, но дает очень подробное описание дома и каморки Раскольникова. Оно и помогает определить местоположение здания. Вспомним первую страницу романа: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К—му мосту»[1]. Что это за таинственные названия: С-й переулок и К—н мост?

Анна Григорьевна Достоевская, жена писателя, в 1907 году расшифровала эти обозначения и другие, так часто встречающиеся в романах Достоевского. Стало ясно, что «С-й переулок» означает Столярный

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 5, стр. 5.

переулок (ул. Пржевальского), «К—н мост» — Кокушкин мост через Екатерининский канал (канал Грибоедова), «В—й проспект» — Вознесенский проспект (пр. Майорова), «... ский мост» — Вознесенский мост, «Т—в мост» — Тучков мост, «бесконечный...ой проспект» — Большой проспект на Петроградской стороне.

Теперь понятно: дом Раскольникова должен был находиться в Столярном переулке неподалеку от Кокушкина моста. Чтобы уточнить его расположение, снова откроем роман: «Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту коморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу»[1].

[1] Ф. М. Достоевский, т. 5, стр. 5.

Дом Раскольникова. Гражданская, 19/5.

А теперь войдем в широкую подворотню дома № 19/5. (Отметим, что и этот дом имеет срезанный угол с балконом, как и большинство домов, связанных с именем самого Достоевского и его героев.) Из ворот повернем сразу направо и через угловую дверь во дворе попадем на узкую и крутую лестницу с полуарками сводов внутренней стены. Поднимемся на последний этаж. Прямо на лестничную площадку выходит окно и дверь кухни (редкая планировка, не встречающаяся в других подъездах). Несколько уже совсем узких ступеней ведут вверх к небольшой коричневой двери. Если ее открыть, мы увидим, что она стоит непосредственно на лесенке, тянущейся на чердак дома. Здесь могла быть каморка, подобная раскольниковской.

Если вам покажется, что доказательства наши недостаточны, при выходе из дома Раскольникова в подворотне заметьте маленькую дверь справа. Это дворницкая. Здесь хранятся метлы, ящики, лопаты. Две ступени вниз, и вы окажетесь в этой каморке. Пом-

ните, как Родион Раскольников готовился к страшному убийству?

«Он бросился к двери, прислушался, схватил шляпу и стал сходить вниз свои тринадцать ступеней, осторожно, неслышно, как кошка...»[1] «Вдруг он вздрогнул. Из каморки дворника, бывшей от него в двух шагах, из-под лавки направо что-то блеснуло ему в глаза... Он осмотрелся кругом — никого. На цыпочках подошел он к дворницкой, сошел вниз по двум ступенькам и слабым голосом окликнул дворника... Он бросился стремглав на топор (это был топор) и вытащил его из-под лавки, где он лежал между двумя поленами»[2].

Итак, в этом доме есть окно и дверь кухни, мимо которой проходил Раскольников, крутая лесенка на самый чердак, где, по всей вероятности, и была каморка, и даже дворницкая под воротами дома с двумя ступеньками вниз. Кстати, а сколько же ступенек у той лесенки на чердак? Должно быть, тринадцать. Впрочем, чуточку обождем, мы еще вернемся к этим ступеням.

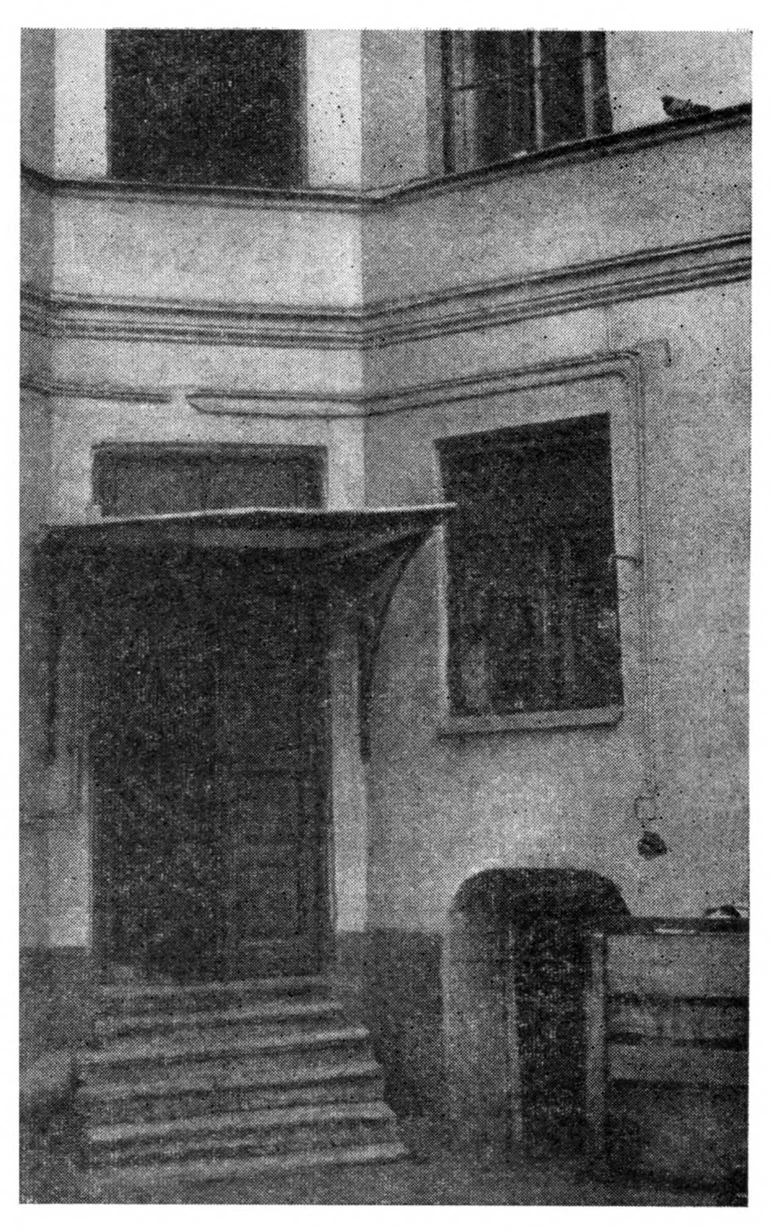
Путь от своего дома до дома старухи-процентщицы Раскольников хорошо знал: ведь он три раза ходил к Алене Ивановне закладывать вещи. И весь путь, и все детали будущего преступления были им отрепетированы.

«Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался... Он даже шел теперь делать *пробу* своему предприятию, и с каждым шагом волнение его возрастало все сильнее и сильнее.

С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходившему одною стеной на канаву, а другую — в —ю улицу. Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками — портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома... Лестница была темная и узкая, «черная»,

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 5, стр. 75.
[2] Там же, стр. 78—79.

Дом Раскольникова. Вид со двора.

но он все уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен»[1]. Когда же Раскольников пришел в этот мрачный, словно специально выбранный писателем дом, мы узнаем, что «лестница к старухе была близко, сейчас из ворот направо» и что старая процентщица живет на четвертом этаже.

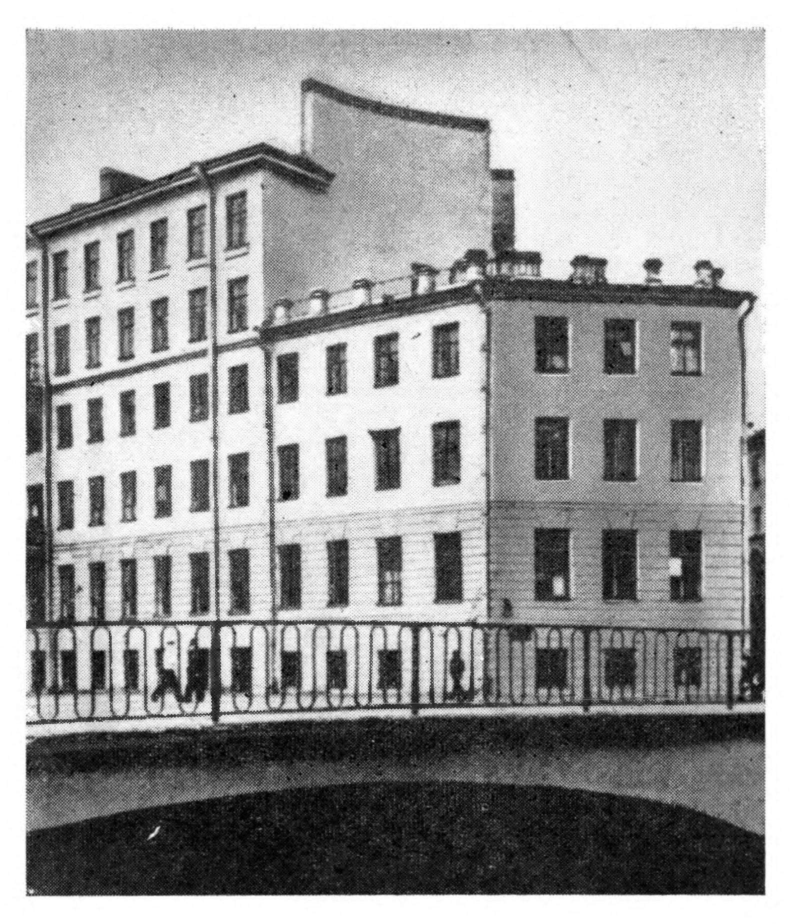
Из дома на углу бывшего Столярного переулка и Средней Мещанской улицы отправимся по следам Родиона Раскольникова. Сначала повернем налево, потом направо в бывший Столярный и по нему дойдем до Кокушкина моста, не переходя его по набережной канала, проследуем до Вознесенского моста, перейдем его и по другому берегу канала Грибоедова дойдем до Средней Подьяческой улицы. По этой узкой улице, сохранившей старое свое название, мы отправимся до углового дома № 15. Одной стороной дом выходит на Среднюю Подьяческую, а другой стороной — на канал Грибоедова. И конечно же, дом этот имеет тупой угол, к которому мы уже привыкли, следуя за героями Достоевского. Действительно, в этом доме два двора и две почти сквозные подворотни. Двор дома похож на огромный колодец с множеством окон и тоже очень напоминает двор, зарисованный Достоевским.

Если вы захотите пройти к квартире процентщицы, то вам достаточно будет сделать несколько десятков шагов из ворот дома (они выходят на Среднюю Подьяческую) вправо по двору и найти первую от ворот дверь. Затем подняться на четвертый этаж. На узкой и темной лестнице сохранились, видимо с тех давних времен, полустершиеся медные шары. Да, мы чуть не забыли сказать вам самое главное: чтобы вы, совершая весь этот путь от дома Раскольникова до дома процентщицы, сосчитали число шагов. Если только вы правильно шли, не сбивались со счета, ну и, конечно, мерили путь шагами молодого человека, а не ребенка, вам нетрудно будет убедиться, что расстояние составит 730 шагов (не считая пути через дворы).

Точное указание маршрутов своих литературных героев позволило определить и адрес дома Сони — канал Грибоедова, 73. Только раньше дом этот был трех-

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 5, стр. 8.

Дом процентщицы. Набережная канала Грибоедова, 104—15.

этажный, а теперь он надстроен: появился еще один этаж. Кстати, относительно этажности. Наблюдательный человек может отметить одно, и не малое, расхождение между внешностью дома Раскольникова и тем домом, в котором мы недавно были. Дом Раскольникова пятиэтажный. Однако дом на углу улиц Гражданской и Пржевальского имеет четыре этажа. В чем же дело? Ведь мы только что обнаружили так много общего. Андрей Федорович Достоевский, внук писателя, мно-

гие годы посвятивший изучению Петербурга Достоевского, объяснял несоответствие этажей следующим: дом Раскольникова в конце XIX столетия подвергся небольшой перестройке. Пятый этаж, где и находились под самой кровлей низенькие каморки, был сначала переоборудован под фотопавильон, а позже превращен в чердак. Но в подворотне еще можно прочесть табличку с указанием всех пяти этажей. Герой Достоевского поднимался в свою клетушку по лесенке, состоящей из тринадцати ступенек. Сосчитаем ступени лесенки на чердак сегодня: их не тринадцать, а пятнадцать. Это тоже результат перестройки. Видимо, лесенку сделали менее крутой, добавив еще две ступеньки.

Может быть, все эти расхождения покажутся мелкими и несущественными. Но мы приводим их для того, чтобы не возникало сомнений в точности адреса литературного героя, и, кроме того, хотим подчеркнуть, что время не стоит на месте — проходят годы, и облик зданий меняется. Однако важно сохранить то, что оставило нам время в неизменном виде. Это вовсе не означает, что грязь и мрачный колорит домов Петербурга Достоевского для нас были бы ценной иллюстрацией произведений писателя. Необходимо сохранение архитектурных особенностей домов литературных героев, бережное отношение к этим своеобразным и очень интересным памятникам прошлого. Многое исчезло с тех лет, когда жил автор «Преступления и наказания». Анна Григорьевна Достоевская рассказала в своих воспоминаниях, что Федор Михайлович, гуляя с ней по петербургским улицам в районе Вознесенского проспекта, показывал и дом Раскольникова, и дом процентщицы, и тот камень во дворе дома, под которым Раскольников спрятал драгоценности. В настоящее время, конечно, не найти этого камня, да и дом этот сильно перестроен.

...Ни у одного петербургского писателя не встретишь такой топографической точности, как у Достоевского. Прежде чем набросать маршрут героя, Достоевский сам не один раз, и наверное даже не трижды, как Раскольников, проделал этот маршрут. Он запоминал внешность домов, число ступенек и число шагов, он набрасывал мысленно картины действия, которое развивается на этом пути или в этом конкрет-

ном доме. Он сам превращался на время в своих героев, и оттого для него все было важно: и погода, и лестница, и фасад. Ему необходимо было заглянуть и в сам дом и увидеть ужасные условия жизни бедняков.

Всего один квартал отделяет дом Раскольникова от дома, где жил Федор Михайлович Достоевский. Тот же Столярный переулок, угловой дом № 9 по Малой Мещанской. Здесь в апреле 1864 года жил писатель, позже он переехал в соседний угловой дом № 7, принадлежавший купцу Олонкину. В этом доме писатель прожил с августа 1864 года по январь 1867 года. Бывшая квартира Достоевского находится на втором этаже над воротами. Анна Григорьевна Достоевская помогла Федору Михайловичу в этом доме создавать романы «Игрок» и «Преступление и наказание», записывала то, что диктовал писатель, или переписывала рукопись начисто. Вот что рассказывала она: «Кабинет Федора Михайловича представлял собою большую комнату в два окна... в ней было сумрачно и безмолвно; чувствовалась какая-то подавленность от этого сумрака и тишины. В глубине комнаты стоял мягкий диван, крытый коричневой, довольно подержанной материей; пред ним круглый стол с красной суконной салфеткой. На столе лампа и два-три альбома; кругом мягкие стулья и кресла... Напротив, поперек комнаты, был выдвинут письменный стол, за которым я потом всегда сидела, когда Федор Михайлович мне диктовал. Обстановка кабинета была самая заурядная, какую я видала в семьях небогатых людей»[1].

Жена Достоевского также отмечала в своих мемуарах, что дом, где жил писатель, напомнил ей дом Раскольникова. Действительно, два эти дома имеют некоторое сходство: у них одинаковое число этажей, общая конфигурация.

Купец Олонкин, владелец дома, относился к писателю с уважением и удивлялся его трудолюбию: «Я к заутрене иду, а у него в кабинете огонь светится — значит, трудится». В тяжелое для Достоевского время купец старался лишний раз не напоминать писателю о плате за квартиру. Журнал, который начал издавать

---

[1] А. Г. Достоевская. Воспоминания. М., «Художественная литература», 1971, стр. 50—51.

Достоевский, не имел успеха, писателя стали осаждать кредиторы, ему угрожали долговой тюрьмой, описью имущества. Тогда Федор Михайлович был вынужден заключить кабальное соглашение с книгопродавцом и издателем Стелловским. За три тысячи рублей Достоевский обязан был в кратчайший срок написать роман, доход от издания которого шел книгопродавцу. В случае нарушения договора Достоевский попадал в страшную кабалу — все настоящие и будущие его произведения должны были быть изданы только Стелловским и все деньги за это издание получил бы ловкий, предприимчивый делец.

В октябре в доме купца Олонкина появилась молодая стенографистка Анна Григорьевна Сниткина. С ее помощью Достоевский в очень сжатые сроки закончил роман «Игрок» и несколько выправил свое материальное положение. Накануне женитьбы писатель нашел новую квартиру на Вознесенском проспекте (проспект Майорова, 29).

...Два дома стоят в бывшем Столярном переулке, внешне похожие друг на друга — дом Раскольникова и дом, где жил Достоевский. Светлый фасад дома Раскольникова, аккуратный зеленый скверик во дворе, чистые лестницы со старыми шершавыми ступенями — следы нового и далекого прошлого. Ощущение, что по этим крутым лестничным ступеням не раз поднимался великий автор «Преступления и наказания», не может не вызвать волнения. Ведь это были не простые прогулки по городу, а особенный, удивительный способ творчества.

К дому Раскольникова, как и к дому № 7 по Казначейской улице, часто приходят или приезжают экскурсанты и просто люди, любящие творения Достоевского. Во дворе дома № 19/5 почти любой житель его укажет вам знаменитую лестницу, где была каморка. Говорят ли камни, могут ли рассказывать? Видимо, да. Они в свое время помогли писателю подсмотреть жизнь петербургских углов, вдохновили его на создание романа. И теперь мы с помощью Федора Михайловича Достоевского читаем по этим камням, как по книге, великую драму.

ИЗ ТУПИКА

— Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти.

(«Преступление и наказание»)

Встанем у дома Раскольникова на углу двух улиц. Куда ни бросишь взгляд, повсюду он упирается в стены зданий. Такое впечатление, что дома со всех сторон преграждают вам выход из этого удивительного перекрестка. Эта замкнутость, не очень типичная для других районов города планировка словно подчеркивают безвыходность и обреченность героев «Преступления и наказания». Действительно, большинство их гибнет в петербургских трущобах, часто на самих же улицах. Чахоточная Катерина Ивановна, Мармеладов, Свидригайлов находят смерть на тротуарах города. Сознавая обреченность своего положения или от нужды и задавленности, или от несчастной любви, или от страха за содеянное преступление, герои Достоевского мечутся по городу, бродят по нему и в дождь и в жару. Им постоянно хочется найти какое-то убежище от тяжелых мыслей. И чаще всего они его находят в кабаке. Здесь раскрывается за рюмкой водки душа Свидригайлова, здесь изливается перед Раскольниковым пьяный Мармеладов. «Понимаете ли, понимаете ли вы, что значит, когда уже некуда больше идти?..»[1] — вырывается вопль из груди этого погибающего человека.

Здесь, на Сенной площади, Раскольников услышал разговор о том, что завтра в семь вечера старуха процентщица останется одна в квартире; здесь, на Сенной площади, Раскольников почувствовал угрызания совести. Эта площадь словно притягивает Раскольникова, он каждый раз, петляя по городу, выходит на нее. Время действия в романе — июль 1865 года. Газеты сообщали, что июль этого года был очень жарким и душным. Достоевский и здесь придерживается документальности. Раскольникова мучает духота города, ему даже становится несколько раз дурно. И он стремится покинуть город, вырваться из его жарких и крепких тисков, а вместе с тем и отделаться от тяжелых и навязчивых мыслей. А среди них главная и роковая мысль о праве

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 5, стр. 20.

на жизнь другого человека. «Наконец, ему стало душно и тесно в этой желтой каморке, похожей на шкаф или на сундук. Взор и мысль просили простору. Он схватил шляпу и вышел»[1]. Раскольников направился по Вознесенскому проспекту до Конногвардейского бульвара, затем пересек весь Васильевский остров, перешел бывший в то время деревянным мрачный Тучков мост и повернул на Петровский остров. Казалось, он искал выхода из того города, где вынужден жить. «Зелень и свежесть понравились сначала его усталым глазам, привыкшим к городской пыли, к известке и к громадным, теснящим и давящим домам. Тут не было ни духоты, ни вони, ни распивочных»[2]. Переночевав среди зелени Петровского острова, Раскольников возвращается домой, к этим «теснящим и давящим домам». Выхода из тупика нет. Есть лишь временное забытье.

Временное утешение находят многие персонажи в трактире с громким названием «Хрустальный дворец» (он находился на участке между Сенной площадью и Фонтанкой). Раскольников то и дело бесцельно бродит по Петербургу. Чаще всего он оказывается на Сенной площади (она рядом с его домом). Здесь был рынок, где торговали скотом, овсом, сеном (отсюда и название). Сейчас трудно поверить, что просторная асфальтированная площадь с автовокзалом и павильоном метро была во времена Достоевского глуховатой окраиной, местом, где провинившихся из простонародья подвергали телесным наказаниям (на площади было здание гауптвахты).

Одну из таких экзекуций на Сенной наблюдал Некрасов:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную:
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую,
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистел, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

С самого раннего утра и допоздна шумела, галдела Сенная. Бесконечное число ларей, лотков, возов делали

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 5, стр. 44—45.
[2] Там же, стр. 59.

Старая Сенная площадь. Литография.

эту площадь одним сплошным базаром с грязью, гнилью и злобонием.

На Сенной площади был главный рынок столицы. Здесь можно было купить продукты дешевле, чем на других рынках города.

...Трудно перечислить, да и нет в этом необходимости, все места, упоминаемые в романах Достоевского, все многочисленные маршруты литературных героев. Отметим только, помимо уже названных домов Раскольникова, старухи процентщицы и дома Сони (в этом же доме рядом с Соней живет и Свидригайлов), дом Рогожина на Гороховой улице (улица Дзержинского, дом № 33). Этот дом по всем признакам соответствует тому, что дан в романе «Идиот»: «Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвета грязно-зеленого. Некоторые очень, впрочем, немногие дома в этом роде, выстроенные в конце прошлого столетия, уцелели именно в этих улицах Петербурга (в котором все так скоро меняется) почти без перемен. Строены они прочно, с толстыми стенами и чрезвычайно редкими окнами; в нижнем этаже окна иногда с решетками. Большею частью внизу меняльная лавка»[1].

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 6, стр. 231—232.

Можно довольно точно определить места проживания и остальных персонажей «Преступления и наказания»: Разумихин, друг Раскольникова, проживает на Васильевском острове у Тучкова моста в четырехэтажном доме, семья Мармеладовых — рядом с Сенной площадью, по всей вероятности, в одном из угловых домов на канале Грибоедова (дом немца Козеля).

Недалеко от дома Раскольникова находилась и полицейская контора, или съезжий дом. Там Порфирий Петрович допрашивал Раскольникова.

«Контора была от него с четверть версты. Она только что переехала на новую квартиру, в новый дом, в четвертый этаж... Раскольников прошел прямо на — ский мост, стал на средине, у перил... В контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево: она была тут в двух шагах...»[1]

На углу Большой Подьяческой и Садовой улиц есть дом № 26. В этом доме (с тем же номером) находилась при Достоевском полицейская контора. Этот дом можно найти и на плане Петербурга, составленном большим знатоком старого города Н. Цыловым.

Вообще по карте интересно проследить некоторые маршруты героев Достоевского. Такие, как маршрут Свидригайлова. Помните? Свидригайлов приходит прощаться с невестой, она живет на Васильевском острове за Третьей линией на Малом проспекте. Свидригайлов идет через Тучков мост, направляясь на Петербургскую сторону. «Он шагал по бесконечному —ому (Большому.— *Ю. Р.*) проспекту уже очень долго...»[2] Мрачную, дождливую ночь, под стать настроению, Свидригайлов проводит в гостинице «Адрианополь», а на утро отправляется в обратный путь. Сырость воздуха вызывает в нем озноб. Мостовые грязные и скользкие. Идет он снова по Большому проспекту в сторону к Тучкову мосту: «Вот уже кончилась деревянная мостовая... Высокая каланча мелькнула ему влево. «Ба! — подумал он, — да вот и место, зачем на Петровский?» и поворотил в —скую улицу. Тут-то стоял большой дом с каланчой»[3].

Дом с каланчой — это полицейский дом Петербургской стороны. Он находился на углу Съезжинской (от

---

[1] Ф. М. Достоевский, т. 5, стр. 177—179.
[2] Там же, стр. 526.
[3] Там же, стр. 535.

названия — съезжий дом) и Большого проспекта. Эта контора находилась на месте существующего сегодня дома № 2 по Съезжинской улице. Дом несколько перестроен.

Но вернемся на бывший Столярный переулок, на перекресток с глухими стенами. Этот переулок пересекался тремя Мещанскими улицами — Большой, Средней и Малой. Название их характеризует социальный состав живших на этих улицах людей. Это был в основном ремесленный народ — портные, сапожники, столяры, скорняки, обойщики, а также бедные студенты и прибывшие в Петербург мелкие купчики, чиновники. Оттого такое изобилие питейных заведений было в Столярном переулке. Крики пьяных не давали часто заснуть Раскольникову. В газете «Петербургский листок» в 1865 году сообщалось: «В Столярном переулке находится шестнадцать домов (по восемь с каждой стороны). В этих шестнадцати домах помещается восемнадцать питейных заведений, так что желающие насладиться подкрепляющей и увеселяющей влагой, придя в Столярный переулок, не имеют даже никакой необходимости смотреть на вывески: входи себе в любой дом, даже на любое крыльцо, — везде найдешь вино». Вот таким драчуном, пьяницей и мастеровым был этот Столярный переулок.

...Проходя мимо Юсупова сада на Садовой улице, Раскольников однажды размечтался, на время отогнав прочь навязчивую мысль об убийстве. Ему захотелось вдруг, чтобы и этот, и Летний, и другие петербургские сады с фонтанами слились в один огромный сад...

Давно исчезли петербургские трущобы, каморки, в которых ютились обездоленные, такие, как Соня и Раскольников. Появились новые зеленые сады и разрослись старые. Грязная Сенная с ее торговой сутолокой стала степенной и чистой. И даже Столярный, где сохранилось большинство домов того времени, неузнаваем. Исчезли трактиры и рюмочные, старые вывески ремесленников. Узкий переулок стал спокойным, задумчивым. Ни трамвай, ни троллейбус не нарушают его тишины. И только внешний облик домов и улиц напоминает нам, что здесь прошли знаменитые герои Достоевского, здесь бывал и сам великий их создатель.

Вот и закончились наши прогулки по Петербургу — Ленинграду.

Заглянув в дома литературных героев, проследив их маршруты, мы смогли убедиться, что по тротуарам Петербурга действительно прошла вся русская классическая литература. Именно в этом городе черпали свои жизненные наблюдения и находили прототипов Пушкин, Гоголь, Лермонтов и Достоевский. Великие писатели оставили нам огромный портрет Петербурга. Каждый из них находил свои краски, не всегда радостные и светлые, потому что эти выдающиеся художники были реалистами. Со страниц их произведений смотрит на нас город, населенный литературными персонажами из среды мелких, бедных служащих и аристократической знати, город с его социальными контрастами, с пышными особняками и ветхими лачугами.

Евгений, Германн, Башмачкин, Поприщин, Раскольников живут в этом городе и не находят в нем своего места. Они не в силах бороться с этим городом и гибнут. И в этом мрачная, зловещая роль старого Петербурга.

Мы не остановились у литературных мест, связанных с творчеством Некрасова, Куприна, Блока. Страницы многих произведений этих писателей посвящены городу на Неве. Из окон своей квартиры на углу Литейного и Бассейной улицы (Литейный пр., 36) Некрасов наблюдал, как у парадного подъезда здания министерства уделов толпятся крестьяне в ожидании приема.

Дворники и городовой гонят прочь крестьян, толкают их в спины. Через два часа после появляются строки стихотворения «У парадного подъезда». Дом бывшего департамента уделов на Литейном проспекте, 37 хорошо сохранился до наших дней.

У Пяти углов в Ленинграде находились редакция журнала, издаваемого Куприным, трактир «Капернаум», места встреч писателя с реально существовавшим штабс-капитаном Рыбниковым.

Многое в Ленинграде связано со стихами Александра Блока. «Ночь, улица, фонарь, аптека» — эти строки о доме на Офицерской улице (ул. Декабристов), где жил поэт. В стихотворении «Незнакомка» Блок вспоминает ресторан в Озерках, где он бывал не однажды.

Но следы литературных героев этих авторов встречаются в Петербурге реже.

...Неизмеримо разросся город на Неве с тех далеких времен. Давно исчезли с его лица мрачные черты: запустение и грязь узких переулков и улиц, затхлая атмосфера подворотен, угрюмость фасадов домов, в которых обитали герои Гоголя и Достоевского.

Морщины старого города разгладились. Но дома остались. Их архитектурный рисунок передает облик города, знакомого классикам русской литературы.

Сравнить старый Питер с теперешним Ленинградом, ясно представить себе развитие города на Неве с пушкинских времен поможет вам Государственный музей истории Ленинграда (набережная Красного Флота, 44, бывший дворец Румянцева).

Государственная инспекция по охране памятников строго оберегает многие старинные здания. Даже самая незначительная реконструкция зданий Невского проспекта и прилегающих к нему центральных улиц не может произойти без разрешения государственной инспекции и Архитектурно-планировочного управления Ленинграда. Вскоре перейдут под охрану и некоторые

дома литературных героев Петербурга — такие, например, как «дом пиковой дамы».

Советские писатели приняли эстафету от классиков русской литературы. Из жизни в их творчество пришел новый литературный герой, герой нового времени.

В Москве открыт памятник Александру Фадееву и его литературным героям. А на площади перед Московским дворцом пионеров скоро появится памятник Гайдару и его славному Мальчишу-Кибальчишу.

К Пушкину, Гоголю, Лермонтову и Достоевскому мы возвращаемся по многу раз в жизни. Каждый раз открываем для себя что-то новое и прекрасное в давно, казалось бы, знакомых страницах.

И еще не раз по седым, омытым ленинградскими дождями камням, как по книге, мы с увлечением будем читать строки их великих произведений.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Раков

ПО СЛЕДАМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Редактор *С. И. Журавлев*
Редактор карт *С. Г. Тютюнник*
Художественный редактор *В. Г. Ежков*
Технический редактор *Л. К. Кухаревич*
Корректор *Н. М. Данковцева*

●

Сдано в набор 9/IV 1973 г. Подписано к печати 11/IX 1973 г. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Печ. л. 4. Услов. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,30. Тираж 80 000 экз. А 07183.

●

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография издательства «Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.

Цена 17 к. Заказ № 6091.